

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»
(ФГБОУ ВПО «АГАО»)
Факультет истории и права
Кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ

Дипломная работа

Выполнил студент

И-ИЮ 103

Наумов Илья Сергеевич

Научный руководитель:
канд. истор. наук, доцент

Ткаченко Ольга Васильевна

Допустить к защите
Зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд.истор.наук, доц.

Орлов Дмитрий

(подпись)

Оценка _____

« ____ » _____ 2015 г.

Введение

Актуальность данной проблемы заключается в том что в первой половине XX века фигура Уинстона Черчилля (1874 – 1965) – одна из центральных в британской истории 20 века. Не менее заметное место занимает она и в историографии – только с 1970 года о Черчилле было написано более 250 книг.

Ярчайший представитель политического Олимпа XX века, Черчилль и сегодня остается фигурой, притягивающей к себе внимание не только специалистов-историков, но и широкие читательские массы во всем мире.

Политический путь Черчилля – свидетельство лишь непотопляемости и политического долголетия, но никак не качества деятельности. Оценочная же сторона дела – в широкой амплитуде, от завидного успеха до полного краха.

Наиболее интересным, с одной стороны, и наименее освещенным в литературе, с другой стороны, является тот этап общественно-политической деятельности У. Черчилля, в ходе которого происходило становление его как политика, что обуславливает актуальность и важность нашего исследования.

Тема дипломной работы сформулирована следующим образом: «Начало политической карьеры Уинстона Черчилля».

Историография проблемы

Переходя к историографии интересующей проблемы, следует отметить, что в отечественной историографии, не смотря на исключительную роль, которую сыграл У. Черчилль в мировой истории XX века, анализ политической деятельности У. Черчилля, оценка его как политика рассматривается в контексте многочисленных исследований, посвященных истории Англии XX века.¹ Анализ начального этапа политической карьеры У. Черчилля рассматривается также в связи с анализом колониальной политики Великобритании в начале XX века.¹

¹ Уинстон Черчилль: цитаты, остроты и афоризмы. М., 2005.

Из исследований, посвященных анализу политического портрета У. Черчилля следует выделить монографию В. Г. Трухановского «Уинстон Черчилль» (1968). В целом, оценка деятельности У. Черчилля данным автором дана в русле установок марксистской историографии.

Следует отметить, что данный подход в отечественной историографии до сих пор не преодолен.

Иная оценка У. Черчилля как политика дается зарубежными историками. Так, во второй половине 1990-х гг. в России были изданы работы индийского историка И. Д. Ратну, посвященные анализу политического портрета Черчилля, в том числе и начального этапа его политической деятельности.

Начальный этап политической деятельности У. Черчилля получил широкое освещение в монографии Д. Хьюмса «Эйзенхауэр и Черчилль: Партнёрство, спасшее мир».

В 2003 году вышла в свет монография Б. Роуза «Черчилль. Бурная жизнь», посвященная жизни и общественно-политической деятельности У. Черчилля. Талантливый организатор, блестящий оратор, остроумный собеседник и язвительный полемист, игрок, гурман, циник и джентльмен – таким предстает перед нами на страницах этой книги великий жизнелюб сэр Уинстон Черчилль.

Отметим, что для зарубежной историографии характерно отсутствие ярко выраженных идеологических установок в оценке политического пути У. Черчилля.

Целью работы является исследование начального этапа политической деятельности У. Черчилля.

Задачи работы:

1. Анализ условий формирования политических взглядов У. Черчилля.
2. Рассмотрение проблемы перехода У. Черчилля в либеральную партию
3. Исследование деятельности У. Черчилля на посту заместителя министра колоний

I. Становление личности Черчилля

1.1 Формирование общественно-политических взглядов Уинстона Черчилля

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль происходил из знаменитой семьи герцогов Мальборо. Первый герцог Мальборо не оставил прямого наследника по мужской линии, и его титул и владения специальным актом парламента были переданы его дочери, а потом её племяннику. В результате этого фамильным именем герцогов Мальборо стало имя Спенсер Черчилль.

Отец Уинстона – Рэндалф – был третьим по счету седьмого герцога Мальборо. Согласно английским законам, титул и владения наследует старший сын. Младшим приходится самим пробивать себе дорогу в жизнь.

Уинстон Черчилль родился семимесячным во время бала во дворце Бленхейм 30 ноября 1874 г. В преждевременном появлении младенца на свет упрекали его мать, которая, несмотря на своё положение, не захотела пропускать бал. Рождение рыжего, необычайно крикливого, но крепкого мальчика вызвало недовольство у обитателей родового поместья. Они не любили его мать, которая превосходила их и внешностью, и умом. Она не имела титула, но зато была достаточно богата, чтобы держаться самостоятельно, – этого ей и не хотели прощать. Её сын мог унаследовать титул герцога.

Старшая герцогиня, бабушка Черчилля, открыто сказала жене девятого герцога Мальборо, что её главная задача – родить сына, потому что она не перенесёт, если «этот недоносок Уинстон» унаследует титул герцога. Жена девятого Мальборо справилась с задачей, и титул герцога не достался Уинстону Черчиллю.

Родители почти не занимались воспитанием сына. За ним присматривала няня по фамилии Эверест. Всю жизнь Черчилль помнил о ней, во всех кабинетах, которые он занимал, портрет няни находился на самом видном месте.

В детстве маленького Черчилля называли Винни – это ласковая форма имени Уинстон сохранилась за ним до старости. Несмотря на то, что он был семимесячным, Винни рос здоровым ребёнком. Научившись говорить, он болтал без умолку, хотя с юных лет сильно заикался и шепелявил.

Черчилль очень плохо учился. Учителя, гувернантки и отец считали его бездарным и безнадежно тупым. Но он был упрям, самоуверен, надменен и обладал очень хорошей памятью. Когда ему исполнилось семь лет, его определили в дорогую подготовительную школу для детей из аристократических семей. Винни впервые пришлось столкнуться с дисциплиной и перенести наказание розгами.

После подготовительной школы Черчилль должен был учиться в знаменитой закрытой школе Итон. Но родители, боясь, что он не справится с учёбой в Итоне, отдали его в другую школу – Хэрроу. Во время учёбы Черчилль неизменно числился последним учеником в классе не только по успеваемости, но и по дисциплине. Он учил те предметы, которые ему нравились, и почти не обращал внимания на остальные. Он даже выбирал учителей, с которыми заниматься. Но он всегда оставался надменным и самоуверенным.

Подсознательно политика привлекала Черчилля с юности: по сложившейся в Англии традиции, дебаты в палате общин проходили открыто для публики, и юный Уинстон посещал парламентскую галерку с гораздо большей охотой, чем колледж.

Отец Черчилля хотел, чтобы он стал юристом. Но его успехи в учёбе заставили отказаться от этих планов. Когда отец спросил Уинстона, кем он хочет быть, тот ответил, что станет военным.

Черчилль с детства любил разыгрывать со своим младшим братом военные сражения. У него было полторы тысячи оловянных солдатиков, с которыми он проводил большую часть своего времени.

Черчилль хотел подготовиться к поступлению в пехотное училище. Но во время игры он неудачно спрыгнул с моста на росшие рядом ели, рассчитывая, что ветки позволят ему соскользнуть на землю, но они не смягчили приземление. Черчилль ударился головой, получил сотрясение мозга и три месяца не поднимался с постели.

Позднее всё-таки поступил в военное училище, но не в пехоту, а в кавалерию. Кавалерист должен был сам содержать лошадь, поэтому желающих было меньше и ему удалось пройти конкурс.

Отец Черчилля был огорчен тем, что сын не смог поступить в пехоту. В военной среде кавалеристов традиционно считали тупоголовыми. После вступления в кавалерию отец написал Уинстону письмо, в котором, не сдержавшись, высказал своё мнение о том, что никакого толка из сына не выйдет. Уинстона это не задело. В годы учёбы он увлечённо занимался верховой ездой. Он верил, что станет великим полководцем, и его тревожило только отсутствие больших войн, на которых он мог бы проявить себя.

После смерти отца Уинстона Черчилля семейству пришлось уплатить многочисленные долги, и оно осталось фактически без доходов. Мать Черчилля получила свою долю из денег, оставленных ей отцом в Америке. Этого было достаточно, чтобы поддерживать уровень жизни, принятый в её кругу, но не более. Все свои силы мать Черчилля направила на то, чтобы помочь сыну сделать карьеру. Она выделяла сыну на расходы пятьсот фунтов стерлингов в год. Это были очень большие деньги, но в сравнении с тем, что требовалась молодому гусару в привилегированном кавалерийском полку, этого было недостаточно.

Начав службу лейтенантом, Черчилль не сидел сложа руки. Он торопился, как когда-то его отец. В молодости он решил, что его жизнь будет такой же короткой, как и у его отца и поэтому ему нужно торопиться, чтобы он успел сделать всё то, что не успел сделать отец.

Черчилля по-прежнему больше всего огорчало отсутствие войны. По условиям службы, в мирное время он имел пятимесячный отпуск. Узнав о начале испано-американской войны за остров Кубу, Черчилль взял отпуск и отправился за океан. Он договорился с английской газетой «Дейл грэфик» о том, что напишет серию статей для газеты о событиях на Кубе. За каждую статью он должен был получить по пять фунтов стерлингов.

В результате своей первой военной кампании Уинстон Черчилль получил испанскую медаль за участие в боевых действиях, научился курить сигары, перенял у испанцев привычку спать после обеда и заработал двадцать пять фунтов стерлингов – пять его статей появились в газете.

После этих событий гусарский полк, в котором служил Черчилль, перевели в Индию. В Индии Черчилль упросил взять его в экспедицию,

направлявшуюся на подавление восстания одного из племён на северо-восточной границе у Малакандского перевала. Его корреспонденции об этих событиях сначала были опубликованы в лондонской газете «Дейли телеграф», а потом мать Черчилля нашла издателя и они вышли отдельной книгой «Повесть о малакандской полевой армии. Эпизод пограничной войны». Книгу раскупили, и вскоре появилось её второе издание.

Успех окрылил молодого автора, и он написал художественный роман о борьбе народа против диктаторского режима. Издатели неплохо заплатили за роман – семьсот фунтов стерлингов. Но критические отзывы отбили у Черчилля охоту к писанию романов. Он отправился на войну в Судан.

Командующий английской армией, понимая, что Черчилль опишет всё, что увидит на этой войне в очередной книге, запретил зачислять его в действующую армию. Мать Черчилля, используя свои связи, добилась, что его прикомандировали к одному из полков.

Только за одни публикации в течение месяца о войне в Судане в газете «Морнинг пост» Черчилль получил триста фунтов стерлингов. После войны в Судане Черчилль решил уйти из армии и заняться только литературным трудом. Он написал двухтомное сочинение «Речная война» о событиях в Судане. Черчилль раскритиковал действия главнокомандующего английской армией, описал жестокости войны. Это навлекло на него гнев войны, но зато принесло успех у читателей.

Как только вспыхнула англо-бурская война, Черчилль поспешил в Южную Африку. Но уже не как военный, а в качестве корреспондента газеты «Морнинг пост». Во время военных действий он попал в плен к бурам. Как штатского человека, принявшего участие в сражении, его должны были расстрелять. Черчилля спасло то, что его узнали и решили оставить как ценного пленника сына лорда. Черчиллю удалось бежать из плена.

В Лондоне Черчилля ждал настоящий триумф. «Морнинг пост» печатала его корреспонденции. Другие газеты сообщали о его подвигах. Черчилль написал целых два тома о своих приключениях. О нём слагали песни и стихи. Он выставил кандидатуру на выборах в парламент от Манчестера, разъезжал с чтением лекций о бурской войне. С этими лекциями Черчилль отправился в Америку. Его представляли публике как «героя пяти воин, автора шести книг и будущего премьер-министра».

1.2. Переход У. Черчилля в либеральную партию

На волне популярности в 1900 году Черчилль был избран в парламент от консервативной партии. Депутаты парламента еще хорошо помнили Рандольфа Черчилля и поэтому с интересом ожидали первого появления в палате его сына. Уинстон сел на то место, которое занимал в палате его отец после ухода в отставку, — крайнее место над проходом, прямо позади передней скамьи. Один из депутатов парламента рассказывал, что «не прошло и пяти минут с момента появления в палате общин Уинстона² Черчилля, как мы увидели, что он сидит развалившись, надвинув на лоб цилиндр, скрестив вытянутые ноги, глубоко засунув руки в карманы, и оглядывается вокруг так, будто бы он был не самым молодым, а старейшим депутатом».

В парламенте существует традиция, согласно которой новые депутаты выступают с речью не сразу, а по прошествии по меньшей мере месячного срока с момента появления в палате общин. Черчилля эта традиция не устраивала, он не хотел тратить время на ожидание и уже через четыре дня произнес свою первую речь.

Выступление было в общем удачным. Члены парламента встретили его тепло. Ему аплодировали обе стороны палаты общин — и консерваторы, и либералы. Однако лидеры консерваторов хмурились. Речь молодого депутата шла вразрез с официальной линией партии. Консерваторы выступали за доведение войны против буров до конца и за суровое обращение с ними. Черчилль же, сделавший темой своего первого выступления англо-бурскую войну, — это было разумно, ибо немногие лучше него разбирались в том, что в то время происходило в Южной Африке, — высказался за сравнительно мягкое обращение с побежденными. Его речь была проникнута симпатией к бурам. «Ни один народ, — говорил он, — не получал так много выражений сочувствия на словах и так мало практической поддержки на деле, как буры».

Выступление Уинстона в первой же речи против политики собственной партии объяснялось не просто смелостью молодого депутата. Это была дерзость, в данном случае явно рассчитанная дерзость. Уинстон тем самым как бы заявил, что пойдет по стопам своего отца. А тактика Рандольфа, как известно, состояла в том, чтобы нападками на лидеров собственной же партии заставить их откупиться от него, дав ему крупный пост в руководстве партией и правительстве.

² Хрестоматия по новой истории. Т.2. М., 1971.

Уинстон не только усвоил тактику своего отца в парламенте, но в значительной степени заимствовал и его лозунги. Он атаковал лидеров собственной партии с «левых» позиций. Разумеется, никаким «левым» он не был. В свое время Стивене справедливо предположил, что, имея реакционные убеждения, Уинстон будет добиваться своих целей «демократическими методами», т. е. демагогически выступать якобы в интересах широких народных масс. Первое выступление Черчилля в палате общин по вопросу об англо-бурской войне было построено по этому принципу.

С этих же позиций Уинстон атаковал вскоре проект реорганизации английской армии, предложенный правительством. Военный министр Бродрик, исходя из опыта англо-бурской войны, внес в парламент от имени правительства законопроект, предусматривающий создание шести армейских корпусов, из которых три должны были находиться в состоянии полной готовности, с тем чтобы их можно было в любой момент отправить за пределы Англии. «Мы стали военной нацией, — заявил министр, — и мы должны попытаться в дальнейшем остаться таковой».³

Это не было наивным предложением. В его пользу говорила активизация национально-освободительной борьбы в Британской империи, а также нарастание противоречий между Англией и Германией. Дело шло к большой войне. В области внешней политики консервативное правительство, предприняв неудачную попытку договориться с Германией и убедившись в ее нарастающей враждебности и нежелании идти на соглашение, развернуло активную деятельность по созданию союзов, направленных против Германии. В этих условиях вполне логичной была идея расширения и реорганизации английской армии в соответствии с меняющейся международной обстановкой. Черчилль повел атаку против законопроекта Бродрика. Он вспоминал впоследствии, что на подготовку речи по этому вопросу потратил шесть недель и выучил ее наизусть настолько хорошо, что мог произнести, начиная с любого места и в любом порядке.

Для споров с Бродриком в том плане, в каком Черчилль задумал свою атаку, нужны были цифры. Он всегда с отвращением относился к цифрам и ко всему, что с ними связано (не считая, разумеется, личных доходов). Поэтому самостоятельно справиться с вычислениями, касающимися расходов на

³ Сборник документов по новой истории. Т.3. М., 1989.

армию, Черчилль не мог. Он привлек для этой цели сэра Френсиса Мовата, который и снабжал его в то время, а также в дальнейшем соответствующими цифровыми данными, фактическим материалом и аргументами.

Так в первые месяцы пребывания Черчилля в парламенте проявилась характерная черта его политической и государственной деятельности. На протяжении всей жизни он широко пользовался помощью сведущих людей для подготовки публичных выступлений и при работе над книгами. Именно в этом содержится ответ на недоуменные вопросы о том, как мог Черчилль написать за свою жизнь так много книг, статей и речей по самому широкому кругу проблем.

Молодой парламентарий выступил категорически против увеличения расходов на армию, предусмотренных планом Бродрика. Он дал понять, что экономия на расходах на армию должна быть обращена на улучшение положения трудящихся. Отметив, что Бродрик требует увеличения этих расходов в два раза, Черчилль восклицал: «Неужели в стране исчезла нищета?» Он напомнил о том, что его отец в свое время также выступал против увеличения расходов на армию.

В своей кампании против реформы армии Черчилль преследовал ряд целей. Ему нужно было показать правительству, что он является серьезной фигурой и с ним надо считаться. Он стремился завоевать авторитет в массах, выступая в качестве поборника народных интересов, с целью увеличить свой вес в глазах лидеров партии. Наконец, его атака против Бродрика была своеобразной мстостью консерваторам за то, что они в свое время бесцеремонно выбросили за борт политического корабля его отца.

Проект реформы армии в течение двух лет обсуждался в парламенте и за его пределами. Черчилль развил бурную активность. Свои речи по этому вопросу он издал в виде небольшой книжицы. Правительственное предложение было провалено. Разумеется, дело заключалось не в одном Черчилле. Сыграло свою роль и то, что буржуазное общественное мнение страны не понимало еще, что мощная армия может понадобиться Англии буквально через 10 – 12 лет. Очень сильна была вера в то, что она в состоянии с успехом защищать свои интересы силами одного военно-морского флота. Черчилль шумно пропагандировал эту идею. Будущее показало, что он был глубоко неправ, хотя его и считают знатоком всего, что связано с военно-морским флотом. И в первой и во второй мировых войнах одного флота оказалось совершенно недостаточно для достижения военных целей Англии. Английскому

правительству пришлось уже в ходе военных действий развертывать массовые армии.

Выступления Уинстона против реформы армии лишний раз показали, что он принял политическую тактику и стратегию отца. Условия не позволяли ему создать по примеру отца собственную партию внутри консервативной партии. Но все же Уинстону удалось собрать вокруг себя группу единомышленников, состоящую из подобных ему молодых честолюбцев. Одним из видных членов этой группы был лорд Хью Сесиль, младший сын премьер-министра. От его имени пошло название этой группы — «Хьюлиганс». Вскоре название трансформировалось, и сам Черчилль в автобиографии называет членов группы просто «хулиганы». К завоеванию подобной репутации участники группы упорно стремились.

Группа Черчилля часто организовывала встречи с видными деятелями различных партий, на которых обсуждались политические вопросы. В апреле 1902 г. «хулиганы» пригласили на обед Джозефа Чемберлена. «Великий Джо» приглашение принял, хотя и заметил хозяевам, что он «обедает в очень плохой компании».

15 мая 1903 г. Чемберлен выступил в своем избирательном округе в Бирмингеме с речью, получившей огромный резонанс в английской политической жизни. В это время Англия придерживалась свободы торговли, т. е. принципа, предусматривавшего невмешательство государства в экономическую жизнь страны, в свободную игру экономических сил. Этот принцип разделяли и консерваторы, и либералы.

Лидер консерваторов Джозеф Чемберлен выступал за тарифы, премьер-министр Бальфур придерживался принципа свободы торговли. И тот и другой имели своих горячих сторонников.

Черчилль правильно оценил обстановку. Идея протекционизма имела много противников.

Уже через неделю после речи Чемберлена в Бирмингеме Черчилль выступил против него. Аргументы Уинстона были аргументами, которые выдвигала в защиту фритреда либеральная партия. Черчилль делал вид, будто не знает, что в это время Чарлз Бут и Сибом Раунтри провели обследование жизни английских трудящихся в ряде районов и неопровержимо доказали, что одна треть населения Англии находится на грани голода. Весьма вероятно, что он действительно не имел представления об этом в силу своего безразличия и

даже антипатии к социальным проблемам. Это не мешало Черчиллю с непередаваемым апломбом утверждать, что условия существования английского народа великолепны. Здесь же, не смущаясь противоречием, он выступал за проведение социальных реформ. «Политика консервативной партии, — говорил он, — должна быть политикой империализма. Но не одностороннего империализма... Лорд Дизраэли... не пренебрегал великими вопросами социальных реформ. В его уме первое и главное место занимала судьба и процветание английского народа... Следуя этому примеру, мы наилучшим образом будем служить интересам партии и государства». Черчилль связал вопрос о тарифах с проблемой «демократического торизма», чтобы еще больше осложнить положение правительства.

А оно и без того было крайне трудным. Чемберлен, угрожая отставкой, требовал, чтобы Бальфур официально встал на позиции протекционизма. Сторонники свободы торговли в правительстве нажимали на Бальфура с другой стороны. 9 сентября 1903 г. и Чемберлен, и министры-фритредеры подали в отставку. Бальфур приступил к формированию нового кабинета. Для Уинстона наступил решительный момент.

И до Черчилля многие пытались делать карьеру путем систематической критики руководства собственной партии. Этот метод с разным успехом применяли и поныне применяют консерваторы, либералы и лейбористы. В подобных случаях премьер-министр и лидер партии, если он имеет дело с действительно крупной политической фигурой, способной причинить серьезный вред правительству и партии своими нападениями на них, оставаясь в рядах партии или совершив перебежку в лагерь политических противников, обычно применяет надежный метод успокоить такого бунтаря.

Таким путем определенного успеха добился в свое время Рэндольф Черчилль, сейчас этой тактике следовал его сын.

Если бы Бальфур при формировании нового правительства предложил Уинстону министерский пост, тот, вероятно, ухватился бы за это предложение так, как в свое время его отец за аналогичное предложение Солсбери. Однако Бальфур не хотел предоставить этот шанс Уинстону и, формируя правительство, прошел мимо него. Это объяснялось, конечно, не случайным недосмотром. Пренебрежение к Черчиллю было подчеркнуто предоставлением поста в правительстве Бонар Лоу — такому же молодому, но значительно менее яркому и энергичному начинающему консервативному политику.

После того как Бальфур не включил Черчилля в правительство и тем самым подчеркнул свое нежелание идти ему на уступки, Уинстон принимает решение совершить перебежку из консервативной партии в либеральную.⁴

Джозеф Чемберлен считал, что Бальфур вполне мог утихомирить Черчилля традиционным способом. «Уинстон — умнейший из всех молодых людей, — говорил он. — И Артур допустил ошибку, позволив ему уйти». Это замечание убедительно свидетельствует о том, что Джозеф Чемберлен ни на минуту не сомневался в том, что уход Черчилля к либералам объяснялся не какими-либо принципиальными соображениями, а карьеризмом. Было бы несправедливо не отметить, что английская политическая жизнь знает довольно частые случаи подобных перебежек. В тех случаях, когда переход из одной партии в другую объясняется изменением во взглядах того или иного деятеля, его вряд ли можно осуждать. Однако в данном случае, как бы Черчилль ни старался доказать обратное и как бы ему ни помогали в этом его биографы, ничего подобного не произошло. Он был консерватором-империалистом и таковым остался, перейдя к либералам.

Есть основания предполагать, что с первых дней пребывания в парламенте Черчилль понял, что подобная перебежка не исключается. Обстановка в руководящих кругах консервативной партии в то время была такова, что вряд ли можно было рассчитывать на быструю карьеру, оставаясь в ее рядах. А Черчилль отличался крайней нетерпеливостью. Осенью 1901 г., отдыхая в одном из поместий в Шотландии, он встретился с Сесилем Родсом, известным колониальным деятелем. Уинстон совершенно откровенно обсуждал с ним свое положение в консервативной партии. Как сообщает в своих воспоминаниях графиня Уорвик, «Черчилль хотел власти, а консервативная дорога к власти для молодого человека была заблокирована Сесилиями и другими молодыми консервативными деятелями. В то же время либеральный путь был открыт. Сесиль Роде высказался в пользу перехода Черчилля к либералам». Это единственно правильное объяснение перемены Черчиллем его политического фронта и обращения из консервативной веры в либеральную.

Переход Черчилля от консерваторов имел несколько стадий. В декабре 1903 г. он, как обычно, выступил с нападками на политику консерваторов и однажды закончил свою речь фразой: «Слава богу, у нас есть либеральная партия!» В марте 1904 г. он начал именовать себя «независимым

⁴Ржешевский О. А. Указ. соч. С. 436.

консерватором». Его речи становились все более и более «левыми» и демагогическими. Однажды, когда Черчилль поднялся с места, чтобы выступить по вопросу о тарифах, большая часть сторонников правительства во главе с самим премьер-министром немедленно покинула палату. Зато его речь была тепло принята либералами, и особенно Дэвидом Ллойд Джорджем. В апреле 1904 г. Черчилль официально порвал отношения с консервативной партией. После этого полдюжины избирательных округов предложили ему выступить у них кандидатом в депутаты на следующих выборах в парламент в качестве независимого сторонника свободной торговли. Но эти предложения не привлекали Черчилля.

«Это был путь для человека с принципами и твердыми убеждениями, — замечает один из биографов Черчилля. — Но это не был путь для выдвижения с целью получения постов и власти. Черчиллю было ясно, что он нуждается в механизме большой партии, если он хочет продвинуться куда-нибудь, и продвинуться быстро... Он должен был пройти весь путь до конца и вступить в либеральную партию».

Порвав с консерваторами, Черчилль приступил к изложению своей новой политической программы. В его выступлениях прослеживаются две линии. Прежде всего, он всячески поносил консервативную партию и доказывал, что она враждебна интересам народа. Черчилль, конечно, прекрасно знал, что такое консервативная партия, и в пылу полемики сказал много правильного. В речи от 16 мая 1904 г., произнесенной в Манчестере, он назвал консервативную партию «мощной федерацией», действующей в интересах крупного капитала. Пребывание этой партии у власти означает тиранию партийной машины, «коррупцию внутри страны и агрессию вовне с целью прикрытия этой коррупции». Консервативная политика — это «дорогое продовольствие для миллионов и дешевая рабочая сила для миллионеров». Оценив таким образом деятельность консерваторов, Черчилль извлек из-под кафедры, с которой выступал, небольшой кусок хлеба (примерно в три четверти фунта) и, размахивая им, заявил: «Такой кусок вы будете получать, когда будет осуществлена торговая политика консерваторов». После этого он вытащил значительно больший кусок (фунта в два) и заявил: «Такой кусок вы будете получать, если будет сохранена свобода торговли».

Одновременно Черчилль выступал с неопределенными утверждениями о необходимости крупных социальных реформ и улучшения жизни народа. «Мы должны совершенно ясно заявить относительно больших и неотложных социальных вопросов, — говорил он, — что там, где личные привилегии

вступают в противоречие с общественными интересами, эти интересы должны преобладать... Мы должны двигаться вперед к лучшему, более справедливо организованному обществу... которое будет представлять собой новую, сияющую, благородную эпоху».

Вскоре после этого выступления он переместился в палате общин со скамей консерваторов на скамьи либералов, где сел рядом с Ллойд Джорджем. В дальнейшем они стали большими друзьями. Во всяком случае так уверяет сам Черчилль. В 1904 г. в своих выступлениях он называл Ллойд Джорджа «лучшим боевым генералом либеральной армии». У либералов в те годы была группа выдающихся политических деятелей, таких как Асквит, Морли, Грей, Холдейн и некоторые другие. Поэтому они не очень нуждались в привлечении способных политиков со стороны. Некоторые из них весьма скептически относились к переходу Черчилля в их ряды. Однако он был малочувствителен к подобным вещам и принялся энергично нападать на консервативное правительство. Оба держали себя так, что ни у кого не оставалось сомнений: Черчилль заявляет претензию на министерский пост в самом ближайшем будущем.

1.3. Черчилль на посту заместителя министра колоний

Консервативное правительство было парализовано внутренней борьбой по вопросу о внешнеторговой политике. Чемберлен ультимативно потребовал от Бальфура роспуска парламента и проведения новых выборов, с тем, чтобы в ходе их определилось отношение избирателей к вопросу о введении протекционизма. Оттягивать решение дальше было невозможно, и Бальфур решил применить маневр. 4 декабря 1905 г. он подал в отставку. Расчет сводился к тому, что теперь либералы должны будут сформировать правительство, не имеющее большинства в парламенте. Такое правительство провалилось бы немедленно. В пользу этого предложения говорило отсутствие единства в рядах либералов. Однако расчет Бальфура оказался неверным. Он преувеличивал расхождения в руководстве либеральной партии. Лидер либералов Кэмпбелл Баннерман 5 декабря 1905 г. сформировал правительство и сразу же распустил парламент, назначив следующие выборы на январь 1906 г. Отставка Бальфура подвела черту под десятилетним пребыванием консерваторов у власти. В течение следующих

Англия 17 лет она имела либеральных премьер-министров. Таким образом, Черчилль, перебежав к либералам, не просчитался.⁵

Кэмпбелл Баннерман происходил из семьи крупных торговцев из Глазго, придерживавшейся консервативных убеждений. Однако политическую карьеру он делал в рядах либералов и в 1899 г. стал лидером либеральной партии. В его правительстве были широко представлены либералы-империалисты, весьма близкие по своим убеждениям к консерваторам, и радикалы, занимавшие более прогрессивные позиции. Министерство иностранных дел было поручено Эдварду Грью. Асквит стал министром финансов и, следовательно, наследником премьер-министра. Ллойд Джордж, которому в то время был 41 год, получил министерство торговли.⁶

Черчилля на этот раз не обошли. Ему вначале предложили пост заместителя министра финансов. Это был видный пост, и, приняв его, Черчилль стал бы правой рукой Асквита и его заместителем в палате общин. Среди младших министров это был самый важный пост. Его обладателю полагалось жалованье в 5 тыс. ф. ст. в год, что было значительно больше жалованья обычных заместителей министров. Пребывание на этом посту открывало определенные перспективы попасть в состав кабинета при следующих изменениях в правительстве.

Несмотря на все это, Черчилль отказался от столь лестного предложения и попросил сделать его заместителем министра по делам колоний. В ответ на поздравление с назначением он писал своему старому учителю из Хэрроу: «Эта должность не из самых ответственных, но она таит в себе определенные возможности — как полного провала, так и крупного успеха».

Министерство колоний действительно открывало возможности для широкого проявления инициативы, самостоятельности и энергии. Его шеф, министр колоний лорд Элджин, слабо ориентировался в колониальных проблемах и к тому же заседал в палате лордов.

⁵ Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939-1945 гг.: Идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 75.

⁶ Сборник документов по новой истории. Т.3. М., 1989.

«Когда я брал Черчилля в заместители, — писал позднее Элджин, — я знал, что мне придется нелегко». Динамичный, переполненный идеями, Черчилль в самом деле доставлял ему много хлопот. Один из сотрудников министерства вспоминал, что он, как правило, по полчаса убеждал министра принять его мнение по тому или иному вопросу, расхаживая взад и вперед по комнате и не давая своему патрону вставить ни слова. Элджин терпеливо дожидался, пока его заместитель выдохнется, затем лаконично объявлял: «Я не согласен с вами, и я не сделаю этого», и ничто уже не могло сдвинуть его с занятой позиции. Как-то Черчилль составил для своего патрона обширную памятную записку по одному вопросу, содержащую подробную аргументацию и заканчивавшуюся фразой: «Таково мое мнение». Вместо резолюции Элджин приписал к этим словам: «Но не мое». Не только начальству, но и подчиненным не просто было сработаться с Черчиллем. Они считали, что он слишком молод, чтобы иметь столь властный характер.⁷ Не нравилась им и его манера перестраивать по-своему тщательно подготовившиеся для него материалы к парламентским дебатам. Но едва ли Черчилль заслуживал здесь порицания. Как замечает Г. Пеллинг, это было бы проявлением малодушия, лени или политической пассивности, если бы такой талантливый журналист допускал, чтобы чиновники средней руки определяли стиль его публичных выступлений.

По английским традициям министры и их заместители имеют в своем распоряжении личного секретаря, который является помощником министра и готовит для него различные материалы. Это далеко не технический пост. В качестве своего личного секретаря Черчилль пригласил Эдварда Марша. Тот совершенно не походил на своего патрона. Высокий, худой, с неизменным моноклем и тонким писклявым голосом (последствие перенесенной в детстве тяжелой болезни), Марш был прекрасно образованным человеком и принадлежал к группе «интеллектуалов». Он глубоко знал искусство, литературу, редактировал поэтические произведения. Марш оставался личным секретарем Черчилля до 1929 г., переходя вместе с ним из одного министерства в другое. Когда официальные связи между ними прекратились, Черчилль позаботился о том, чтобы это не отразилось на их личных отношениях.

Первым крупным вопросом, с которым Черчилль столкнулся в министерстве колоний, был вопрос о дальнейшей судьбе бывших бурских республик. По

⁷ Хрестоматия по новой истории. Кн. 2. М., 1963.

мирному договору, подписанному еще консервативным правительством с побежденными бурами 31 мая 1902 г., Трансвааль и Оранжевое Свободное государство были аннексированы Англией и включены в состав ее колониальной империи. Однако это не могло быть окончательным решением. В Англии многие понимали, что оставить эти территории на положении рядовых колоний — значит вскоре вызвать новую вспышку вооруженного сопротивления. К тому же либералы, находясь в оппозиции, усердно критиковали политику консерваторов по этому вопросу и тем самым как бы обязались, придя к власти, дать свое решение проблемы.

Раздавив вооруженное сопротивление буров, английское правительство проявило заботу о восстановлении экономики захваченных территорий. Такая забота объяснялась тем, что английские промышленники были крайне заинтересованы в развитии добычи золота и алмазов в Южной Африке, которая приносила им огромные прибыли. Чтобы обеспечить необходимую рабочую силу, начали контрактировать рабочих в Китае и ввозить их в Южную Африку. Здесь китайские рабочие попадали в рабские условия существования. Организатором использования «китайского рабского труда» был лорд Мильнер, управлявший захваченными территориями. К моменту выборов 1906 г. в Южной Африке насчитывалось примерно 50 тыс. китайских кули. Многие тысячи были завербованы дополнительно и находились на пути в Африку.

На выборах либералы всю попрекали консерваторов «китайским рабским трудом». Но, придя к власти, они не обнаружили большого желания отказаться от его применения. Теперь роли поменялись. Политические противники либералов обвиняли их в том, что они продолжают политику применения рабского труда. Черчиллю пришлось изворачиваться, выступая в палате общин от имени министерства колоний. Когда его впрямую спросили, можно ли назвать рабством применение в Южной Африке законтрактованных в Китае рабочих, он попытался напустить туману, ответив, что этот порядок «не может быть классифицирован как рабство... без риска допустить терминологическую неточность».

В 1906 г. английское правительство решило предоставить завоеванным бурским республикам самоуправление в рамках Британской империи. Внести и провести через палату общин соответствующий законопроект было поручено Уинстону Черчиллю. Английские политики и историки настойчиво уверяют, будто Англия проявила величайшее благородство, предоставив

бурам самоуправление. В действительности никаких оснований для этого нет.

До захвата бурских территорий Англией буры пользовались независимостью. Англия силой лишила их этой независимости, включила в состав своей колониальной империи и затем предоставила им некоторую степень самоуправления. Территории были захвачены, чтобы их эксплуатировать, а для этого требовалось заручиться сотрудничеством буров. Предоставление им самоуправления было минимальной платой за такое сотрудничество. Наконец, нужно было создать условия, благоприятные для притока на завоеванные территории английских капиталов, предпринимательской инициативы и рабочей силы. Черчилль писал королю, что переход «от положения колонии к ответственному правительству был полезен для английской эмиграции».

В результате переговоров между английским правительством и бурами парламент в 1909 г. принял акт, которым создавался Южно-Африканский Союз в составе четырех провинций. Акт вступил в силу 31 мая 1910 г. Южная Африка стала самоуправляющейся колонией — доминионом в системе Британской империи. Ранее этот статус получили Канада (1867 г.), Австралия (1901 г.) и Новая Зеландия (1907 г.)

Сделка с лидерами буров была заключена за счет интересов местного негритянского населения, составлявшего подавляющее большинство жителей Южной Африки. Оно не получило никаких прав. Буры управляли местным населением диктаторскими методами и безжалостно его эксплуатировали. Английские либералы оказались на стороне буров, против местного населения. Аборигены очень скоро это поняли и в 1912 г. образовали свою организацию — Африканский национальный конгресс для борьбы за завоевание политических прав.⁸

В январе 1906 г. проходили парламентские выборы, принесшие победу либералам. Черчилль выставил свою кандидатуру в Манчестере. Однажды, гуляя с Маршем по этому промышленному городу, Черчилль забрел в рабочие кварталы. «Представьте себе, — говорил он, — что вы живете на одной из этих улиц. Это значит, что вы никогда не видите ничего красивого, никогда не едите ничего вкусного и никогда не разговариваете ни о чем умном». Его не трогали судьбы людей, живущих в трущобах, но ему нужны были их голоса на выборах. Избирательная кампания шла под лозунгом

⁸ Наринский М. М. Указ. соч. С. 92-93. Там же. С. 89.

«Свободная торговля против протекционизма», и Черчилль, казалось, имел шансы на успех, ибо Манчестер всегда был оплотом фритреда.

Немалое значение имело и другое обстоятельство. В 1902 г. правительство Солсбери создало королевскую комиссию по вопросам иммиграции в Англию. Когда в августе 1903 г. комиссия представила доклад, имевший четко выраженный антисемитский аспект, Черчилль выступил против ряда положений доклада. После этого к нему обратился с письмом Натан Ласки, президент еврейской конгрегации в Манчестере. Ответное послание Черчилля было проникнуто сочувствием к организации, представляемой Ласки. Он не возражал, чтобы его ответ опубликовали в печати. Выступления Черчилля против доклада королевской комиссии снискали ему симпатии со стороны еврейской общины Манчестера, где она пользовалась большим влиянием. В декабре 1905 г. Черчилль выступил в Манчестере на митинге протеста против еврейских погромов в России.

Став заместителем министра колоний, Уинстон Черчилль укрепил свои связи с Натаном Ласки и его друзьями в Манчестере. Он с симпатией отзывался об их идее создания национального еврейского очага в одной из африканских колоний Англии. Поэтому, когда Черчилль прибыл в Манчестер в связи с парламентскими выборами, Ласки пригласил Черчилля остановиться в его доме в качестве почетного гостя. В ходе избирательной кампании поддержка еврейской общины оказалась для Черчилля весьма полезной. «Теперь, — пишет один из его биографов, — Черчилль более, чем когда-либо, был их человеком. Ласки председательствовал на всееврейском митинге, созванном для поддержки Черчилля, и самым определенным образом заявил, что не должно быть никаких сомнений на этот счет: «Любой еврей, который голосует против Уинстона Черчилля, является предателем общего дела еврейства».

Положение Черчилля на этих выборах было трудным. Политические противники искусно использовали для дискредитации кандидата его перебежку от консерваторов к либералам. На митингах приводили многочисленные выдержки из его прежних речей, в которых он со свойственным ему темпераментом и бесцеремонностью поносил либеральную партию и восхвалял консерваторов.

Зачитывая эти выдержки, у него требовали ответа, как их понимать. Черчилль как мог пытался парировать эти атаки. Он заявлял, что во время пребывания в консервативной партии наговорил много неумных вещей, но, поняв, что консерваторы являются «глупой партией», покинул их ряды.

Ярлык ренегата висел на Черчилле и очень его беспокоил. На обвинения в ренегатстве Черчилль отвечал: «Да, совершенно верно, я когда-то был консерватором. Я душой и сердцем принадлежал этой партии. Но тогда я не знал, как консервативная партия обошлась с Рандольфом Черчиллем. Я еще не изучил в то время его документы».

В Манчестере Черчилль совершенно неожиданно встретился с новым противником. В то время в Англии широко развернулось движение суфражисток — борьба женщин за предоставление им избирательных прав. В Манчестере это движение возглавляли Эммелина Панкхерст и ее две энергичные дочери — Кристабел и Сильвия. На митинге, где выступал Черчилль, суфражистки потребовали, чтобы он дал твердое обещание после избрания в парламент выступать там за предоставление женщинам избирательных прав. Черчилль вначале не оценил всей серьезности этого требования и уклонился от ответа, в результате чего стал объектом преследования со стороны суфражисток на всех митингах во время избирательной кампании. Они вызывали у Черчилля страшное раздражение, перешедшее впоследствии в устойчивую ненависть.

Лозунг свободной торговли помог Черчиллю одержать победу на выборах в Манчестере. Он прошел в парламент большинством в 1241 голос. Либералы провели в новую палату общин 400 депутатов и получили в ней значительное большинство по сравнению со всеми остальными партиями, вместе взятыми. Консерваторы смогли получить лишь 157 мест.

Разгром консерваторов и убедительная победа либералов не были единственной чертой, отличавшей эти выборы от предшествующих. Выборы 1906 г. отмечались также тем, что лейбористы смогли получить в новом парламенте 30 мест. Большинство из них было проведено в парламент созданным в 1900 г. Комитетом рабочего представительства. Успех лейбористов на выборах свидетельствовал о том, что английский рабочий класс выходит на арену политической борьбы как самостоятельная сила.

Это был наглядный результат быстрой активизации рабочего движения в Англии, приобретающего все более и более политический характер. Сильное воздействие на английское рабочее движение в это время оказала революция 1905 г. в России. Бальфур как-то заметил, что успех лейбористов на парламентских выборах 1906 г. был «отголоском того движения, которое привело к побоищу в Санкт-Петербурге». Он имел в виду события 9 января.

Успех лейбористов в значительной степени объяснялся поддержкой, которую они получили со стороны либералов. И ранее представители английских рабочих избирались, правда в очень небольшом числе, в парламент. Они, как правило, выступали там в качестве попутчиков либеральной партии. Теперь события развивались таким образом, что вскоре английский рабочий класс должен был создать свою собственную политическую партию, представляющую его в парламенте. Либералы это великолепно понимали. Они прилагали огромные усилия к тому, чтобы сразу же подчинить будущую партию своему влиянию и получить в ее лице мощного союзника в палате общин. Поэтому они помогли Комитету рабочего представительства провести в парламент его кандидатов на выборах 1906 г.

Секретарь комитета Рамзей Макдональд вступил в 1903 г. в секретную сделку с одним из лидеров либералов — Гербертом Гладстоном. Либералы обещали поддержать в 35 избирательных округах кандидатов, выставленных Комитетом рабочего представительства. Взамен Макдональд обещал либералам поддержку комитета в некоторых других избирательных округах. Эта сделка ставила молодую лейбористскую партию в известную зависимость от либералов. Она свидетельствовала о беспринципности лейбористских вождей и об их близости либералам. Пакт 1903 г., который долго скрывался от общественности, действовал до 1914 г. и, как замечает один из биографов Черчилля, «довольно основательно загрузил лейбористский корабль либеральным балластом».

Преобразование Комитета рабочего представительства в лейбористскую партию и появление в парламенте довольно внушительной лейбористской фракции свидетельствовали о том, что внутривнутриполитическая обстановка в стране коренным образом меняется. В Англии многие рассматривали новую партию как партию социалистическую по аналогии с социал-демократическими партиями других стран Европы. В европейских странах социалистическое движение бурно развивалось, а в России разразилась революция 1905 г. В Англии к этому времени действовали различные социалистические организации и общества. Как ко всему этому относиться? Таков был вопрос, вставший перед Черчиллем.

Его секретарь Марш был несколько удивлен, когда в августе 1906 г. Черчилль, отдохнувший в Швейцарии, попросил его прислать текст речи французского министра внутренних дел Клемансо, направленной против социализма.

В октябре 1906 г. Черчилль выступил в Глазго с речью, в которой сформулировал свое отношение к социализму. Черчилль утверждал, что рабочему классу Англии не нужно иметь свою политическую партию, а его интересы должны выражать и представлять тред-юнионы. «Труд! Это великое слово, — заявлял в своей речи Черчилль. — Кто имеет право говорить от имени труда? Я склонен считать, что тред-юнионы более, чем какая-либо другая организация, должны считаться ответственными за это и направлять представителей труда в палату общин». Нелишне напомнить здесь, что представители профсоюзов в парламенте в то время примыкали к либералам, а лейбористская фракция пыталась действовать в известной мере самостоятельно.

Оратор настаивал, что рабочему классу незачем иметь свое организованное представительство в парламенте, что рабочих в палате общин достойно представляют либералы. Более того, самостоятельное представительство рабочего класса в парламенте может быть лишь вредно для него самого. Черчилль призывал рабочий класс доверить заботу о его политических и иных интересах либералам, т. е. партии английской буржуазии. Этот призыв отказаться от самостоятельного рабочего представительства в парламенте был по существу призывом к отказу от ведения самостоятельной политической борьбы.

Черчилль, конечно, понимал, что в рядах рабочего класса найдется большое количество людей, которые предпочтут пойти по пути самостоятельной борьбы за свои интересы и будут вести ее революционными методами. Он не оставил у своих слушателей никаких сомнений в том, что его отношение к революционному движению является безоговорочно отрицательным и враждебным. «Любое движение, связанное с насилием, — заявил Черчилль, — неизбежно встретит подавляющее сопротивление, которое уничтожит подобное движение». Заняв в 1906 г. такую позицию в отношении революционного движения, он никогда не менял ее до конца своей жизни.

В своей речи в Глазго Черчилль заявил, что он не видит необходимости «втягиваться в дискуссию о философских различиях между социализмом и либерализмом». Ничего удивительного! Он был не подготовлен к тому, чтобы вести борьбу с идеями социализма в теоретической области. Он никогда не читал Маркса, да и вряд ли знакомился с популярными работами по марксизму.

Черчилль не вполне понимал разницу между революционным социализмом и оппортунизмом английских лейбористов и поэтому, говоря о социалистах,

часто смешивал одно с другим. Он сводил доктрину социализма к коллективизму, а доктрину либерализма — к индивидуализму и упорно доказывал, что между индивидуализмом и коллективизмом никакой принципиальной разницы нет, что различие между ними выдумали социалисты и что на самом деле индивидуализм либералов и коллективизм социалистов в повседневной жизни находятся в тесном единении. «Освещая наши улицы и организуя водоснабжение, — говорил Черчилль в Глазго, — мы действуем коллективно. Но когда дело касается любви к женщине, мы не действуем коллективными методами, и женщины не выходят за нас замуж коллективно».

Идеи, которые Черчилль развивал тогда, были в значительной степени навеяны теоретиками английского лейборизма, действовавшими в начале XX в., и прежде всего супругами Вебб. С Сиднеем и Беатрисой Вебб Черчилль был знаком, но близко не сошелся. У него никогда не лежала душа к проблемам, исследованию которых Сидней и Беатриса посвятили свою жизнь. Черчилль заимствовал мысли как у Веббов, так и из соответствующей литературы, которая была в то время в ходу. Его ближайший друг консерватор Ф. Е. Смит однажды заявил в палате общин: «Социалистам лучше не приветствовать имя Черчилля, ибо в конце концов он, весьма вероятно, сопрет их одежду, когда они начнут купаться, если они вообще купаются, в чем я весьма сомневаюсь». Выступление Черчилля в Глазго полностью подтверждает слова Ф. Е. Смита. Черчилль действительно бесцеремонно напяливал на себя одежды английских лейбористов. Признавая, что монополизация направлена против интересов трудящихся, Черчилль ратовал за вмешательство государства в экономическую жизнь, установление его контроля над ней. Он высказывался за то, чтобы государство предприняло попытку вмешательства в использование рабочей силы, выступая в качестве запасного работодателя, за передачу железных дорог в распоряжение государства, за то, чтобы социальное обеспечение стало предметом заботы государства.⁹

Был ли Черчилль искренним, выступая в Глазго с этими предложениями? Безусловно, нет. Даже благосклонные к нему биографы считают, что

⁹ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии = Stalin and Churchill. Meetings. Talks. Discussions: Документы, комментарии, 1941-1945. М., 2004.

проповедовавшие им в Глазго идеи не отвечали ни его собственным убеждениям, ни убеждениям его отца.

За очень небольшой срок Черчилль проявил себя как энергичный младший министр, весьма работоспособный и инициативный. Сильные мира сего начинали понимать, что Уинстон, если ему дать власть, будет усердно служить интересам капиталистической Англии, ибо реализация его личных честолюбивых замыслов теснейшим образом связана с благополучием английского империалистического государства. Один из приближенных короля Эдуарда VII писал Черчиллю 15 августа 1906 г.: «Его величество рад отметить, что вы становитесь надежным министром и, сверх того, серьезным политическим деятелем, что может быть достигнуто только в том случае, если вы будете ставить интересы государства выше партийных соображений».¹⁰

В мае 1907 г. последовало официальное признание заслуг Черчилля. Он был сделан тайным советником, что не часто случалось с деятелями в возрасте 32 лет, занимавшими пост заместителя министра. С этого момента Черчилль получил право ставить после своей фамилии кроме букв «М. Р.» (член парламента) буквы «Р.С.» (тайный советник). Теперь, выступая в парламенте, его коллеги должны были адресоваться к нему как к «достопочтенному джентльмену».

В это время Черчилль начинает интересоваться военными вопросами. И не даром. Война была не за горами. Отношения между великими державами все более ухудшались. Завершилась расстановка сил перед первой мировой войной. В 1907 г. Англия наконец достигла соглашения с Россией, которым была достроена Антанта — военный союз, направленный против Германии и ее партнеров. Военная область всегда притягивала Черчилля. Он был убежден, что в случае войны военно-морской флот явится главным оружием Англии. В 1907 г. у него завязались тесные отношения с адмиралом Фишером, который в то время осуществлял реорганизацию английского флота. Если ранее флот строился таким образом, чтобы действовать на океанских просторах, базируясь на гавани в колониальных владениях, то теперь он должен был концентрироваться в европейских водах. Тем самым флот нацеливался против Германии. Относительно мелкие суда, пригодные лишь для выполнения «полицейских функций» в колониях, заменялись мощными кораблями, способными действовать против германского флота.

¹⁰ Ржешевский О. А. Указ. соч. С. 436.

Фишер вводит в состав английского флота мощные корабли, известные под названием дредноутов и вооруженные артиллерией калибром 13,5 дюйма. Общение с Фишером дало Черчиллю возможность быть подробно осведомленным о состоянии и перспективах развития английского военно-морского флота.

Первые и весьма внушительные успехи на политическом поприще укрепили убеждение Черчилля в том, что ему предназначено судьбой великое будущее. Молодой деятель был заметной фигурой. Главной целью его жизни была политическая карьера. Если он посещал клубы или бывал в гостях, то с определенной целью — встретиться там с друзьями и побеседовать по интересующим их политическим вопросам. Один из хороших знакомых Черчилля, Дж. Б. Аткинс, свидетельствует: «Он весь отдавался работе. В то время, когда он не был занят политическими вопросами, он читал или писал. Он не жил жизнью других молодых людей Лондона. Он посещал политические клубы, но я никогда не видел его в обычном клубе». На вечерах он не предавался светским развлечениям и танцам. Современники вспоминают, что Черчилль работал даже в гостях. Приезжая на конец недели к кому-либо, он привозил с собой небольшой металлический ящик, полный книг и различных записей. Всякую свободную, минуту он читал, читал и читал.

Таким образом, к 1908г. годам жизненный путь Уинстона Черчилля полностью определился. Он добился бесспорного успеха в политике: представлял в парламенте надежный избирательный округ, был членом кабинета, пользовался большим влиянием, находился в центре событий.

II Апогей карьеры Черчилля

2.1 Черчилль и Вторая Мировая война

Осенью 1922 года, когда либеральное правительство ушло в отставку, Черчилль оказался не у дел. Не повезло и с парламентом; его дважды провалили на выборах 1922 и 1923 годов. Он вернулся в партию консерваторов, которая всегда была близка ему по духу. В 1924 году Черчилля выбрали в парламент от консервативной партии. Он стал министром финансов.

Когда в 1929 году на выборах победили лейбористы, Черчилль потерял министерский пост, но прошел в парламент от консерваторов. Он не подозревал тогда, что выпал из правительственной обоймы на долгих 10 лет. В 1935 году, когда консерваторы вновь победили, Черчилль, потерявший авторитет после антисоветских выпадов и похвал в адрес итальянского фашизма, остался парламентарием-консерватором.

Как только началась Вторая мировая война, Черчилль 3 сентября 1939 года вошел в правительство и вновь возглавил военно-морское министерство. И наконец настал его звездный час: 10 мая 1940 года, когда немецкие танковые армады вторглись во Францию и Бельгию, Черчилль сменил Чемберлена на посту британского премьера. Вступая в эту должность в опаснейший момент британской истории, Черчилль не предупредил соотечественников, что их ждет «кровь, грязь, слезы и пот». Но он заверил англичан, что его правительство поведет бескомпромиссную войну против фашизма до полного его разгрома, до победы любой ценой.¹¹

¹¹ Опубликовано: Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы: в 2 т. Т. 1. 1944--гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. С.

Черчилль не видел для Великобритании иного шанса на спасение, кроме союза с Соединенными Штатами, дополненного союзом с Советским Союзом. Черчилль превратился из лидера консервативной партии в национального военного лидера. Рузвельт и Черчилль волею обстоятельств стали крупнейшими дипломатами своего времени.

США с самого начала находились на стороне Англии, а после поражения Франции были готовы поддержать британские, а с августа 1941 года — и советские войска, не участвуя, однако, в боевых операциях.

Сразу же после вторжения фашистов в Россию британский премьер заявил по радио: «...мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем». Черчилль объяснил, что, помогая СССР, Англия спасает себя. Он сказал, что «вторжение Гитлера в России — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара».

Вступление СССР в войну радикальным образом изменило мировую обстановку. В августе 1941 года Черчилль встретился с Рузвельтом, чтобы наметить совместную линию в новых условиях. По подсчетам Черчилля, за военные годы он провел вместе с Рузвельтом на различного рода встречах 120 дней — факт уникальный в современной истории.¹²

Так называемая атлантическая встреча Черчилля и Рузвельта в августе 1941 года закончилась подписанием «Атлантической хартии», которая должна была способствовать солидарности обеих стран и подготовить эффективное вступление Соединенных Штатов в войну. Черчилль и Рузвельт заявили, что Англия и США стремятся к справедливому и демократическому миру,

2348; подробнее о комиссиях см.: Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела... // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995. С. 54-71.

¹² 14. Плешаков К. В. Вопросы согласованного регулирования международных отношений в антифашистской коалиции (1943-1945) // Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1: События 1918-1945 годов. М., 2006. 396.

который должен последовать за победой над Германией и ее союзниками. Они пришли к единому мнению, что по окончании войны все государства должны быть разоружены, кроме стран победительниц. Союзники приняли решение об оказании помощи СССР поставками вооружения и стратегического сырья.¹³

Политическое мировоззрение Черчилля можно назвать историческим: он мыслил историческими категориями и в истории искал ответы на вопросы современности. Это привело его к идее создания «Великого альянса» («большой тройки») — подобный союз уничтожил в свое время державу Людовика XIV.

После преодоления патовой ситуации инициатива в войне против Гитлера перешла к несравненно более сильным партнерам по союзу — СССР и США, и Черчилль вернулся к той же формуле, которую он уже использовал в мае 1940 года при образовании коалиции: «Нашей целью является уничтожение Гитлера, — и ничего другого». Эта цель касалась непосредственно интересов Черчилля; в то время как Сталин и Рузвельт имели свои представления о будущем мировом порядке, в котором Британии отводилась в Европе и за океаном несколько другая роль, чем та, которую хотелось видеть Черчиллю, заявившему в 1942 году, что премьером становятся не для того, чтобы ликвидировать империю. Его личные отношения с Рузвельтом также несколько изменились; на конференциях в Тегеране (1943) и Ялте (1945) британский премьер играл роль лишь младшего партнера американского союзника.

Великобритания, став одной из ключевых держав антигитлеровской коалиции, внесла крупный вклад в победу над Германией, Италией и Японией. В ходе войны, на союзнических конференциях Черчилль отстаивал интересы Великобритании, как он их понимал, с энергией и гибкостью. Он сумел навязать американцам выгодную Англии стратегию «непрямых действий», оттягивал, как мог, открытие второго фронта в Западной Европе, сосредоточивая основные силы западных союзников в Средиземноморье, поскольку этот регион был жизненно важен для экономики и стратегии Великобритании. В то же время Черчилль проявил незаурядное личное мужество, часто бывая на фронтах, совершал рискованные перелеты над вражеской территорией, был всегда в гуще событий.

¹³ М. Хвостова. М., 1966. Ч. 1. С. 421.

На призывы Сталина, поддерживаемого Рузвельтом, открыть второй фронт на западе Черчилль не давая конкретного ответа, заставляя русских одних сражаться против немцев. Это напоминало политику Англии во время войны с Наполеоном I. Тогда военные действия против Бонапарта вели в основном русские солдаты, в то время как англичане оказывали союзникам материальную и финансовую помощь. Черчилль полагал, что Германия, связанная войной в России, не в состоянии разворачивать полномасштабные действия против других стран и по новым направлениям, а британские войска смогут, по мнению премьера, овладеть инициативой в Средиземноморье. Американские войска, базировавшиеся на Британских островах и в Северной Ирландии, рассматривались в ракурсе «удержания Германии от попытки вторжения». Таким образом, Великобритания избегала больших человеческих потерь и находилась в относительной безопасности.

Черчиллевская стратегия «второго фронта», безусловно, была успешной, поскольку этот фронт был открыт лишь в начале 1944 года. Но за два года, в течение которых он оттягивал открытие второго фронта, мощь Красной Армии возросла в такой степени, что англо-американским войскам пришлось высадиться в Нормандии уже не для того, чтобы помочь русским, а для того, чтобы самим также присутствовать на Европейском континенте.

В декабре 1944 года — за четыре месяца до краха — Гитлер был еще-способен поставить в трудное положение англо-американские войска, находившиеся в Европе. Он развернул наступление в Арденнах. Теперь уже и Черчиллю пришлось обратиться к Сталину с призывом срочно развернуть большое наступление на восточном фронте, чтобы вынудить Гитлера оттянуть силы с западного фронта.

С этого времени изменился сам смысл войны. «Сражение за Европу» которое теперь давали англичане и американцы, не было более сражением за освобождение Европы, поскольку война была практически выиграна. Они стремились опередить русских в их неудержимом продвижении на запад.

Черчилль принял участие в Потсдамской конференции. «Заявления он делает в общем-то краткие, — писал советский дипломат А.А. Громыко. — Очень любит растягивать отдельные слова. Делает это явно нарочито. По ходу речи или заявления нетрудно увидеть то, что он хочет подчеркнуть особо. Эти слова он произносит как-то резко. В них проступают и резина и металл. Почти никогда он не пользуется заготовленным текстом. Впрочем, говорят, некоторые свои заявления он любит заучивать наизусть... У меня создалось о нем впечатление как об опытном ораторе. Свой капитал красноречия он умел

хорошо преподнести. Говорил без волнения, по крайней мере так выглядело внешне, хотя ощущалась его собранность, и он всегда был, как утверждали англичане „алерт“ — начеку».¹⁴

Непримиримый враг коммунизма, он, когда это было в его интересах, называл Сталина «своим другом» и произносил тосты за его здоровье. Черчилль верил в силу «личной дипломатии», в собственную способность устанавливать «дружеские доверительные отношения», имея в виду в будущем. привлечь Россию также к «конструктивному сотрудничеству».

Еще в январе 1945 года Черчилль убедил Сталина первым нанести удары по центральной части германской территории и таким образом помочь западным державам. Вернувшись в феврале 1945 года из Ялты, Черчилль заявил, что ни одно правительство не проявило такой верности договору, как советское; он ни в малейшей степени не сомневался в искренности маршала Сталина и в его доброй воле к сотрудничеству.¹⁵

Смысл этой войны Черчилль видел в уничтожении Гитлера и разрушении державного статуса Германии в Европе. «Это та цель, — сказал он, — которая объясняет все остальное». Но его представления о послевоенном урегулировании были смутными и неопределенными. Под влиянием панъевропейской идеи какое-то время Черчилль склонялся федеративным планам, в которых Великобритании предоставлялись большие возможности. Большие надежды он возлагал на возрождение Франции в качестве ведущей державы Западной Европы. От территориальных и националистических проблем он старался по возможности уходить.

Пока Германия еще не была побеждена, он ко всем вопросам подходил с точки зрения их пользы для союзников, в критические моменты он не останавливался даже перед тем, чтобы дать обещание, которое он заведомо не мог выполнить.

¹⁴ Филитов А. М. НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002: в 3 т. Т. 2. 1917-2002 гг. М., 2002. С. 313.

¹⁵ Фейс, Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 402-406.

2.2. «Процентное соглашение»

Прошло больше 70 лет, с тех пор как 9 октября 1944 г. лидеры СССР и Великобритании И.В. Сталин и У. Черчилль заключили джентльменское соглашение о разделе Юго-Восточной Европы на сферы влияния. Однако до сих пор «процентное соглашение» привлекает внимание историков.

Впервые описание эпизода с листком бумаги с процентами появилось в мемуарах У. Черчилля «Вторая мировая война». После выхода в свет в 1953 г. 6-го тома мемуаров поток литературы о соглашении 9 октября 1944 г. не иссякает. В последние полтора десятилетия и в нашей стране вышло немало исследований, в которых изучалось данное соглашение и его последствия.¹⁶

В советской историографии сам факт заключения «процентного соглашения» отрицался. В «Истории внешней политики СССР» говорилось: «Защищая интересы народов всех балканских стран. Советское правительство во время переговоров с Черчиллем отвергло английское предложение о распределении влияния” между Англией и СССР в Югославии и других балканских странах. Попытка Черчилля задним числом доказать в своих мемуарах обратное не соответствует истине». Переводчик И.В. Сталина и В.М. Молотова, а впоследствии историк В.М. Бережков назвал знаменитый листок У. Черчилля с процентами влияния «странным предложением». «Даже по тому, как описал происходившее сам Черчилль, - писал Бережков, - видно, что никакой договоренности, а тем более какого-то формального соглашения не было и в помине». Он отмечал, что, «несомненно, Черчилль хотел создать впечатление, будто с Советским Союзом имела место какая-то договоренность, которая оправдывала бы попытки британского правительства утвердить свое влияние в ряде районов Европы». Однако СССР «не мог быть причастным к такого рода сомнительным “договоренностям”. Это противоречило бы основным принципам ленинской внешней политики Советского государства, и прежде всего принципам невмешательства во внутренние дела других народов, уважения их суверенных прав. Советский Союз не мог, разумеется, принять предложение английского премьер-министра и тем санкционировать попытки английских империалистов диктовать свою волю освобожденным народам».

¹⁶ Калинин А. А. Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19-36.

Эту точку зрения уже в новейший период российской истории поддерживал Р.Ф. Иванов, который в книге «Сталин и союзники» писал, что предложение Черчилля 9 октября было «неожиданным», и оценивал его как «бесперспективное». Историк считал, что советской стороной предложение Черчилля было отвергнуто.

Однако в 1990-е гг. официальные выводы отечественной историографии советского периода были пересмотрены. Важным шагом стала публикация советской записи беседы У. Черчилля и И.В. Сталина 9 октября 1944 г. и последующих бесед В.М. Молотова и А. Идена О.А. Ржешевским .

В научный оборот были введены результаты работы трех комиссий Наркомата иностранных дел по вопросам послевоенного устройства («Комиссии Майского», «Комиссии Ворошилова» и «Комиссии Литвинова»). Широкую известность получила записка И.М. Майского на имя В.М. Молотова от 11 января 1944 г. с изложением целей СССР в войне.

Рассекречивание документов советских архивов позволило лучше понять истинные намерения Кремля. Уже в 1940 г. в директивах к поездке В.М. Молотова в Берлин был обозначен круг стран, который Советский Союз предлагал считать своей сферой влияния: Финляндия, Болгария, зона Проливов и Турция. Также СССР очень интересовался «дальнейшей судьбой» Румынии и Венгрии. Большинство из указанных стран будут фигурировать и в «процентном соглашении».

Соглашение 9 октября, по мнению В.М. Зубока, является «классическим примером столкновения между революционно-имперской парадигмой Сталина и Черчилля». Британский лидер искал баланс власти в Восточной Европе, полагая, что Красная Армия установит дружественные коммунистические режимы. Перед Москвой в то время стояли приоритетные цели, которые требовали сотрудничества со стороны англичан, либо по крайней мере нейтралитета. Советский лидер, пишет Зубок, рассматривал Восточную Европу и Балканы как потенциальный буфер безопасности против возможной агрессии. Советские армии должны были продвигаться как можно дальше в Европе. Необходимо было укрепить советские позиции в сфере влияния Москвы. Советский лидер не хотел преждевременного столкновения с одной из держав союзнической «капиталистической фракции». Эта тактика работала хорошо: Черчилль в течение нескольких месяцев воздерживался от критических замечаний относительно нарушения Советским Союзом ялтинских принципов в Румынии, Венгрии и Болгарии.

О.А. Ржешевский пришел к выводу, что 9 октября 1944 г. между лидерами Великобритании и Советского Союза в необычной форме была предпринята попытка разграничить сферы послевоенного устройства Европы и таким образом найти путь к геополитическому компромиссу на ближайшие годы. «Процентное соглашение», по его мнению, являлось реальной договоренностью, хотя и не оформленной официально, которая определенное время соблюдалась обеими сторонами.¹⁷

М.М. Наринский рассматривает «процентное соглашение» в контексте общей советской стратегии в годы Второй мировой войны. В ней приоритетную роль играли геополитические соображения. Сталин последовательно выступал за создание советской сферы влияния по всему периметру границ СССР в Европе. При этом советский руководитель максимально использовал военно-политическую обстановку для достижения договоренностей с союзниками по антигитлеровской коалиции, выгодных Советскому Союзу. Исследователь также справедливо отмечает, что Черчилль явно хотел преуменьшить значение этого эпизода и намеренно рассказал о нем неточно. Из опубликованных к настоящему времени записей переговоров следует, что советский лидер согласился с предложением британского премьера.

В.О. Печатнов в своей новейшей монографии «Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в х гг.» подробно рассматривает советские планы послевоенного устройства Европы. В основе этих планов лежало убеждение, что Соединенные Штаты и в послевоенный период будут оставаться отдаленной державой, которая выведет свои войска из Европы. Поэтому интересы американцев будут мало сталкиваться с советскими. В Европе, таким образом, оставались только две великие державы - СССР и Британия. С ослабшей в итоге Второй мировой войны Великобританией, считало советское руководство, можно будет договориться, говоря словами М.М. Литвинова, «на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства». Следовательно, советские руководители могли воспринимать «процентное соглашение» как первый шаг к достижению договоренности с англичанами по «полюбовному разграничению сфер безопасности». Неучастие американцев в соглашении могло рассматриваться и с положительной стороны, ибо советские планировщики послевоенной политики исходили из неизбежности англо-американского антагонизма.

¹⁷ Ржешевский О. А. Указ. соч. С. 436.

В коллективной монографии «Системная история международных отношений» К.В. Плешаков пишет, что во время московской встречи Черчилль «пошел напролом» и столкнулся с «энтузиазмом советских лидеров» по поводу раздела сфер влияния с математической точностью. При этом он справедливо замечает, что «“процентная дипломатия”, при всей своей ирреальности, была единственным практическим итогом визита».¹⁸

А.М. Филитов выдвигает предположение, что «в отношении балканских стран имелось в виду определить соотношение сил во временных властных структурах между теми, кого поддерживал Лондон, и теми, кого поддерживала Москва».

Американская реакция на заключение «процентного соглашения» изучалась В.Т. Юнгблюдом и А.А. Костиным. Авторы подчеркивают, что раздел Европы на сферы английского и советского влияния противоречил американским взглядам на послевоенное устройство. В 2009 г. в журнале «Вопросы истории» автором настоящей работы была опубликована статья, посвященная предыстории «процентного соглашения» У. Черчилля и И.В. Сталина.

Зарубежная историография «процентного соглашения» Черчилля и Сталина колоссальна. Греческий историк С. Ксайдис еще в 1955 г. опубликовал статью, посвященную соглашению Черчилля и Сталина. Лондон, отмечает исследователь, очень опасался попадания Греции в советскую сферу влияния и это притом, что страна в силу своего географического положения имела ключевое значение для британских позиций в Средиземноморье. По мнению Ксайдиса, одной из главных целей «процентного соглашения» было предотвращение гражданского противостояния в Греции и Югославии в условиях, когда еще продолжалась Вторая мировая война. Черчилль считал, что его договоренность со Сталиным будет иметь силу и после войны. Великобритания должна была уважать советские жизненные интересы в Румынии и Болгарии, а Советский Союз - британские интересы в Греции.

Голландский историк греческого происхождения П. Тсакалоаннис в своей статье «Московская загадка» рассмотрел ряд противоречий и неувязок версии Черчилля. Он обращает внимание, что советская сторона не настояла на соблюдении формальностей при заключении «процентного соглашения».

¹⁸ Наринский М. М. Указ. соч. С. 92-93. Там же. С. 89.

В 1939 г. Сталин настоял на официальном заключении секретного протокола к пакту Молотова - Риббентропа, в данном случае этого сделано не было.

Рассказ Черчилля о его договоренности со Сталиным сразу же привлек внимание американских историков. В 1950-е гг. в американской историографии господствовало «ортодоксальное» направление, которое считало советскую политику экспансионистской, а американскую полностью оправдывало. Представитель этого направления Г. Фейс отмечал, что британский премьер настойчиво пытался договориться с Москвой по вопросу разделения сфер влияния на Балканах несмотря на то, что американцы выступали против такого соглашения, а СССР действовал вероломно. Черчилль стремился «добиться трезвого подхода к каждой из Балканских стран», предотвратить перерастание локальных беспорядков в этих странах в гражданские войны, а также избежать конфликтов с советскими и местными коммунистами. До американского посла в Москве А. Гарримана информация о соглашении была доведена лишь фрагментарно. Опираясь на неполную информацию, президент Рузвельт согласился с британским премьером, что некоторая договоренность по Балканам желательна. После этого советский и британский лидеры бросились дальше делить сферы влияния.

У. Кимболл считает, что Черчилль во второй половине 1944 г. разрывался между двумя возможными линиями действия: либо убедить Рузвельта придерживаться более твердой линии по отношению к советской политике (в русле общего «фронта» против коммунизма), либо договариваться со Сталиным. По мнению Кимболла, точка зрения, что Черчилль хотел конкретной геополитической договоренности со Сталином, в то время как Рузвельт стремился «изменить атмосферу международных отношений», является упрощенной. В действительности, важной составляющей мышления британского премьера были его идеологические опасения относительно истинных намерений «большевиков».

Черчилль видел себя в роли посредника между по-европейски реалистичным Сталиным и наивным, действующим из лучших побуждений Рузвельтом. Однако глава Белого дома отверг британское посредничество. Вашингтон считал, что британские усилия восстановить «санитарный кордон» против СССР обеспечили Сталину оправдание для установления контроля над Восточной Европой.

Американские историки большое внимание уделяют реакции администрации Ф. Рузвельта на «процентное соглашение». Э. Беннет пишет, что главе Белого дома, который был занят избирательной кампанией, не нравилась

идея встречи руководителей СССР и Великобритании без его участия. Итоги переговоров двух лидеров подтвердили опасения Вашингтона. Обсуждался вопрос о сферах влияния, хотя англичане пытались и отрицать этот факт. Лондон хотел, пишет Беннет, чтобы Москва воздерживалась от самостоятельных действий в Югославии, а также оказала давление на греческих коммунистов и заставила их пойти на уступки.

Некоторые чиновники Госдепартамента расценили информацию о соглашении как признак ссоры Великобритании и СССР. Госдепартамент пришел к выводу, что конкуренция Лондона и Москвы в Восточной и Юго-Восточной Европе и Ближнем Востоке может в известной степени подвергнуть опасности независимость стран этих регионов и стабильность послевоенного урегулирования. Соответствующий документ в ноябре г. был направлен президенту.

Определенной популярностью в США пользовались работы историков ревизионистского направления, которые критиковали американский внешнеполитический курс справа. Они считали, что приоритетом для Соединенных Штатов в годы войны должен был быть не только разгром держав «оси», но и сдерживание экспансии Советского Союза. США и их западные союзники, по мнению ревизионистов, одержали военную победу во Второй мировой войне, но потерпели политическое поражение, позволив Москве захватить Восточную Европу.

Историк-ревизионист Р. Надо в своей книге «Сталин, Черчилль и Рузвельт делят Европу» пишет, что весной 1944 г. англичане очень боялись установления доминирования Советского Союза не только в Восточной Европе, но и в Средиземноморье. Доминирование коммунистов в партизанских движениях в Югославии и Греции могло обеспечить Москве долгожданный выход в Средиземноморье даже до появления в этих странах Красной Армии. К тому же активность коммунистов увеличивалась и в Италии. Поэтому англичане уже весной 1944 г. предприняли попытку договориться с Москвой о разделе сфер влияний. Однако из-за противоречивой позиции США эта попытка провалилась. В результате, пишет Надо, возникла угроза захвата Красной Армией Греции и Югославии.

«Процентное соглашение», считает историк, с самого начала было устаревшей договоренностью. Не случайно в дальнейшем о нем уже не вспоминали. Надо пишет, что от А. Гарримана президент Рузвельт узнал о соглашении. Однако американский лидер хранил молчание, тем самым дистанцируясь от этой договоренности, понимая при этом ее выгоды для

сохранения греческой независимости. Сталин выполнил свою часть сделки, прекратив поддержку греческих партизан и еще раньше убедив И.Б. Тито согласиться на возвращение короля Петра в Югославию.¹⁹

Единственной страной, спасенной в последнюю минуту в соответствии с «процентным соглашением», стала Греция. Британский премьер пробовал спасти также Югославию и Венгрию, предлагая вторжение союзников из Адриатики, однако не получил поддержки американцев. Надо подчеркнуть, что Сталин уважал Рузвельта и американскую мощь. Трагедия состоит в том, что эта мощь не была вовремя использована для достижения баланса в Европе. После смерти Ф. Рузвельта, когда Соединенные Штаты стали занимать более твердую позицию, Москва пошла на уступки, но было уже слишком поздно. Ценой такой близорукой политики стала судьба Восточной Европы.

По мнению Б. Коврига, соглашение Черчилля и Сталина отразило «с поразительной точностью» распределение власти в Центральной и Восточной Европе. Черчилль смог достичь своей цели сохранения на ближайшую перспективу британского влияния в Греции и, в меньшей степени, в Югославии. Сталин сделал собственные выводы, полагая, что его договоренность с британским премьером дает ему карт-бланш для любых действий в своей сфере влияния.

А. Перлмуттер в своей монографии «ФДР и Сталин» приходит к выводу об уверенности У. Черчилля, что в результате боевых действий Советский Союз обеспечит себе очень сильные позиции на Балканах и в Восточной Европе. Соответственно, «процентное соглашение» родилось из признания данного факта. Британский премьер стремился занять максимально большее число стран в Европе, однако не получал должной поддержки от американского президента. После победы под Сталинградом Сталин начал конвертировать свои военные достижения в территориальные приобретения и дипломатические успехи. Черчилль понял эту стратегию достаточно быстро, Рузвельт же не осознал это изменение вплоть до своей кончины. «Процентное соглашение» обозначало рубежи, на которых должна была остановиться Красная Армия.

¹⁹ 18. Фейс, Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 402-406.

Идеалистически настроенный американский президент отвергал политику сфер влияний и баланса сил. Он считал, что послевоенный миропорядок должны определять не соглашения наподобие «процентного», а трехсторонние договоренности. Рузвельт во второй половине 1944 - начале 1945 гг. планировал проведение конференции Большой Тройки с тем, чтобы урегулировать спорные вопросы непосредственно со Сталиным. Президент будущее устройство Европы собирался согласовывать не с британским, а с советским лидером.

Ф. Рузвельт пребывал в плену иллюзий, что Сталин в глубине души был демократом и мог в будущем стать партнером Америки. Чтобы достигнуть своих послевоенных целей, президент пошел на уступки с целью умиротворения советского вождя. Информация, которая противоречила настроениям президента Рузвельта и его ближайшего окружения, игнорировалась. В действительности же Сталин, считает Перлмуттер, был прагматичен и последователен, в течение всей войны преследуя одни цели. Он был коммунистом, деспотом с тоталитарным мышлением, который хотел захватить как можно больше территории. У него не было никаких намерений становиться партнером Америки или какого-либо другого государства после Второй мировой войны. Однако советский руководитель оказался достаточно проницательным, чтобы понять слабости ФДР и играть с ним. У мира, который планировал американский президент, не было шансов осуществиться, потому что взгляды Рузвельта изначально опирались на ложные посылы. Великий военный руководитель Америки оказался не в состоянии выиграть мир.

На рубеже 1950- 1960-х гг. в американской историографии зарождается новое радикально-критическое направление. Его сторонники считали экспансионистской не советскую, а американскую политику. Москва же стремилась обеспечить безопасность собственных границ. Попытки Соединенных Штатов вытеснить Советский Союз из его естественной сферы интересов и зоны безопасности вызвали ответную реакцию и спровоцировали конфликт, который перерос в холодную войну.²⁰

Д. Флеминг в книге «Холодная война и ее истоки» сделал вывод, что, заключая «процентное соглашение», Черчилль ничего не отдавал, он лишь признавал текущие успехи наступающей Красной Армии. Уже в мае 1944 г.,

²⁰ А.Д. Богатунова. Т. 1: События 1918-1945 годов. М.,

пишет Флеминг, Лондон начал дипломатическую кампанию с целью раздела Балкан на сферы влияния. Ее итогом и явилось «процентное соглашение» октября 1944 г. Сталин проявлял уступчивость и строго придерживался «процентного соглашения», что признавали сами англичане.

Г. Алпровиц в своем известном исследовании «Атомная дипломатия» также отмечает, что договоренность октября 1944 г. явилась итогом обсуждений, которые проходили с мая. Она означала, что Лондон признает жизненные интересы Москвы в странах, берега которых омывает Черное море. Алпровиц пришел к выводу, что президент Рузвельт согласился с «процентным соглашением».²¹

С оригинальной трактовкой «процентного соглашения» выступил Г. Колко. Он считает, что негласное разделение Европы на сферы влияния имело место уже в 1943 г. Италия, Франция признавались Москвой западной сферой. Британский премьер намеревался не допустить «большевизации» Восточной Европы. Однако имеющихся ресурсов для реализации своих планов у англичан было недостаточно. Американцы же своей пассивной политикой, считал Черчилль, создавали препятствия для реализации целей Лондона. Его планы восточноевропейской конфедерации, «санитарного кордона» против Советского Союза, рушились. К сентябрю 1944 г. британский премьер устал, его планы теперь не отличались реализмом. В октябре Черчилль, не видя другого выхода, поехал на переговоры со Сталиным. Советский лидер любое соглашение без участия американцев считал неполноценным. Свое предложение по сферам влияния британский премьер сделал скорее от бессилия.

«Птичка» Сталина на листке с процентами не означала ничего, считает Колко. Советский руководитель был вежлив, но не собирался договариваться с одним Черчиллем о сферах влияния. Единственной материальной вещью, иронически пишет историк, которую Черчиллю удалось получить в Москве, была подаренная ему Сталиным ваза с надписью «С поклоном от медведя». Черчилль потерпел неудачу, поскольку его намерения не были подкреплены силой оружия, секретными соглашениями он не мог изменить объективные процессы.

²¹ . Калинин А. А. Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19-36.

Другой яркий представитель «новых левых» Л. Гарднер пишет, что в Москве в октябре 1944 г. Черчилль стремился не только ограничить распространение влияния СССР, но и сдерживать экспансию коммунизма. Операция «Толстой» стала «звездным часом» англо-советской дипломатии во время Второй мировой войны. Для Сталина и Черчилля приоритетным при заключении соглашения были интересы безопасности. Сталин добивался укрепления советских позиций в Черном море, а Черчилль - сохранения британских позиций в Средиземном. Сталин не стремился создать коммунистический блок в Восточной Европе, но не хотел и установления «санитарного кордона» против СССР. «Процентное соглашение» было предварительной договоренностью и явилось продолжением советско-британского диалога по сферам влияния в Европе мая - июня 1944 г.

Лидеры двух великих держав фактически вели переговоры о послевоенном устройстве в этом регионе еще до окончания боевых действий, что прямо противоречило американской стратегии. Любые сферы влияния и двусторонние договоры без американского участия не соответствовали американским интересам. Президент Ф. Рузвельт настаивал на сугубо временном характере любых подобных договоренностей, чтобы сохранить за США полную свободу действий в процессе окончательного послевоенного урегулирования. Сделка советского и британского лидеров в Москве в октябре 1944 г., очередной пример «тайной дипломатии», поставила американцев в сложное положение.

Д. Клеменс обращает внимание на многочисленные разногласия партнеров по Большой тройке. США подозревали англичан в империализме. Лондон был недоволен американской позицией по многим вопросам. Сталин же в целом достаточно последовательно выступал за трехстороннее решение важных вопросов. В 1944 г., отмечает американский историк, США и Великобритания вынуждены были беспомощно наблюдать за неизбежным процессом наступления Красной Армии в Европе, что гарантировало успех левых сил в странах Восточной Европы. Так же поступали и западные державы на контролируемых ими территориях. Политика Сталина в этом плане была подобна политически мотивированным решениям его западных союзников бороться с немцами в Северной Африке, Сицилии и Южной Италии.

Британский премьер, пишет Клеменс, опасался последствий наступления Красной Армии на Балканы для позиций Британии в Средиземноморье и Ближнем Востоке. Американский президент также считал, что соглашение по

послевоенным проблемам Европы необходимо, однако оно должно быть только трехсторонним. «Процентное соглашение» было достигнуто весьма просто. Клеменс считает, что успех переговоров в Москве убедил советского лидера в возможности достигнуть разумного компромисса с западными союзниками. Теперь Сталин надеялся урегулировать все спорные вопросы во время встречи Большой тройки.

Д. Ергин в монографии «Мир вдребезги» описывает поездку Черчилля в Москву следующим образом. Британский премьер решил предпринять попытку найти практическое решение проблемы усиления советских позиций в Европе. Политика Черчилля была двойственной: с одной стороны, он призывал американского президента к созданию общего фронта против коммунизма, с другой - стремился к дружбе с Москвой. Во время визита в советскую столицу Черчилль временно отложил свой антикоммунизм и занялся «арифметикой» - решением конкретных проблем и поиском взаимоприемлемого компромисса. Разделение Европы на сферы влияния уменьшало вероятность конфликтов между державами-победительницами. По мнению Ергина, «смущенный очевидным цинизмом момента и трудностями, которые последовали в послевоенные годы, Черчилль попытался в своих мемуарах преуменьшить значение соглашения». Записи же бесед британского и советского премьер-министров свидетельствуют об обратном: это «временное» соглашение должно было стать «свершившимся фактом» в период послевоенного урегулирования. По предложению Черчилля стороны решили всячески избегать использовать фразу «сфера влияния». Сталин прекрасно понял Черчилля. Как пишет Ергин, советский лидер предпочитал «такую практическую арифметику алгебре деклараций».²²

Характеризуя позицию американского президента Рузвельта в отношении «процентного соглашения», Ергин также считает ее двойственной: имел место «значительный разрыв между внешней внешней политикой Рузвельта (то есть реального внешнеполитического курса США - А.К.) и его внутренней внешней политикой (то есть политикой для американских избирателей - А.К.)». ФДР понимал, что советские границы будут включать восточную часть Польши, Бессарабию, балтийские государства, а также

²² Юнгблюд В. Т. Политика США в Югославии в 1941-1945 гг. Киров, 2004; Костин А. А. Реакция США на «процентное соглашение Черчилля - Сталина» 9 октября 1944 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2002. № 6. С. 125-128.

часть территории Финляндии, приобретенную в результате советско-финской войны. Он также знал, что советское влияние распространится в Европу за пределы границ СССР. В этой ситуации было бесполезно выступить против непосредственных целей Сталина, так как тот получал все это вне зависимости от позиции союзников. То есть американский президент достаточно реалистично оценивал международную ситуацию и советскую мощь. Однако у себя дома Рузвельт по-прежнему выступал с идеалистическими заявлениями в духе В. Вильсона. Обнародование любой информации о секретных соглашениях по судьбе Европы перед президентскими выборами было крайне нежелательно, «сферы влияния» могли потрясти американское общественное мнение.

В 1970-х гг. в Соединенных Штатах оформляется новое направление в историографии, которое получило название пост ревизионизма. Историки-пост ревизионисты, опираясь на недавно рассекреченные материалы американских архивов, предприняли попытку синтеза подходов ортодоксального и радикально-критического направлений. Переосмыслению подверглись и оценки «процентного соглашения» Черчилля и Сталина. Б. Кунихольм в своей монографии «Истоки холодной войны на Ближнем Востоке» отмечает, что октябрьское соглашение У. Черчилля и И.В. Сталина отражало традиционные интересы Великобритании и России, а также военную ситуацию 1944 г. Англичане опасались уменьшения своего влияния в Юго-Восточной Европе, что могло спровоцировать потерю доверия к ним со стороны Турции и Греции. По мнению Лондона, посредством использования руководимых коммунистами движений Москва могла обеспечить себе доминирующую позицию в Югославии, Албании и Греции.

Историк отмечает позднюю критику «процентного соглашения» как нереалистичного и едва ли не греховного. Он считает, что согласованные проценты влияния имели определенные основания. Кунихольм склоняется к тому, что проценты Черчилля - Сталина представляли собой «ориентировочное союзническое влияние на Балканах», хотя и с «долгосрочными политическими последствиями». Последнее британский премьер прекрасно понимал, поэтому он не был искривлен, когда в переписке с американским президентом подчеркивал временный характер его договоренностей со Сталиным по влиянию на Балканах. Столкнувшись с наступлением Красной Армии на Балканах, Черчилль стремился защитить британские интересы в Восточном Средиземноморье.

Ситуация в Юго-Восточной Европе к октябрю 1944 г. складывалась в пользу СССР. Москва могла теперь действовать и односторонне, укреплять свое влияние на Балканах не спрашивая на то разрешения союзников. По предположению американского историка, Рузвельт склонялся к мнению, что неофициальная договоренность с Москвой лучше, чем ничего. Поэтому он позволил британскому премьеру во время встречи с советским лидером в определенной степени говорить за Соединенные Штаты.²³

Кунихольм утверждает, что американский президент в целом одобрил и «процентное соглашение». В то же время Госдепартамент занимал иную позицию. Историк пытается объяснить данное противоречие. По его мнению, Госдепартамент руководствовался публичными заявлениями президента, в которых был большой идеалистический компонент. Эта ситуация в целом устраивала ФДР: он позволял Черчиллю наводить порядок в Греции, Сталину давалось молчаливое согласие взять под контроль остальную часть Юго-Восточной Европы, а Госдепартамент по-прежнему выступал с идеалистическими заявлениями о недопустимости сфер влияний, обеспечивая общественную поддержку внешнеполитической линии администрации.

В работе Кунихольма предлагается интерпретация позиции Сталина по процентному соглашению. Советский лидер последовательно придерживался политики сфер влияний, начиная еще с переговоров с А. Гитлером в 1939 и 1940 гг. Наступление Красной Армии требовало срочного принятия решения по разделению сфер ответственности в Юго-Восточной Европе. Отказ президента принять участие в конференции в Москве мог расцениваться Сталиным как согласие американцев с принятыми решениями по умолчанию.

В. Мастны в книге «Путь России к холодной войне» также много внимания уделил «процентному соглашению». Мастны пишет, что, пребывая в «оптимистичном настроении», Черчилль во время визита в Москву намеревался «внести полную ясность» в вопрос о разграничении сфер ответственности СССР и Великобритании. Уже в первый же день визита лидеры двух государств «выковали удивительное “процентное соглашение”».

²³ Плешаков К. В. Вопросы согласованного регулирования международных отношений в антифашистской коалиции (1943-1945) // Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1: События 1918-1945 годов. М., 2006. 396.

Историк обращает внимание на отсутствие у двух сторон общего согласованного мнения о том, что же именно должно подразумеваться под этими процентными соотношениями. По мнению Мастны, Черчилль, начавший эту игру с цифрами, стал проявлять нерешительность, как только русские продемонстрировали склонность отнестись к ней серьезно.

Мастны отмечает, что Черчилль не хотел жесткого раздела Европы на сферы влияния и надеялся сохранить влияние Запада и в ее восточной части. Сталин также не видел большого смысла в этих цифрах, хотя «Молотов и жонглировал ими как циркач». Москва могла обеспечить себе свободу действий в Восточной Европе и без каких-либо согласованных ограничений. В результате, пишет Мастны, «союзу военного времени угрожало не столько открытое столкновение интересов, сколько опасная неопределенность и расплывчатость их характера».

Г. Райан отмечает, что значение «процентного соглашения» вряд ли можно точно определить. Москва не вмешивалась в события Греции в некоторой степени по причине приверженности договоренности. Черчилль смущался протестовать против действий СССР в его сфере влияния.

По мнению Дж. Александера, «процентное соглашение» октября 1944 г. которую Сталин лучше всего понимал и желал придерживаться именно ее. Запад мог делать в своей сфере все, что требовали его стратегические интересы, а Советский Союз, в свою очередь, имел право делать то же самое в своей сфере влияния.

Р. Мессер вслед за Б. Кунихольмом предполагает, что ФДР склонялся к поддержке «процентного соглашения». Попытки А. Гарримана убедить президента, что интерес США заключается в недопущении создания в Восточной Европе советской сферы влияния, не имели успеха.

В 1970-х гг. стал доступен британский отчет о беседе 9 октября, что позволило историкам выдвинуть новые интерпретации «процентного соглашения». Сравнение текста Черчилля с британской записью переговоров британского и советского премьеров натолкнуло на вывод о стремлении Черчилля преуменьшить значение его договоренности со Сталиным. А. Ризис еще в 1978 г. обращал внимание на противоречие между реальным значением договоренности Черчилля со Сталиным и усилиями британского премьера убедить читателей «Второй мировой войны», что это было временное соглашение и оно «касались лишь непосредственных мероприятий военного времени» и не влекло за собой раздел Юго-Восточной Европы на сферы

влияния. Ризис замечает, что «Черчилль напрягался, чтобы убедить своих партнеров и своих читателей, что соглашение не было тем, чем оно казалось».²⁴

Ризис, опираясь на документы, отверг версию Черчилля, изложенную в «Триумфе и трагедии». В действительности речь фактически шла о послевоенном урегулировании и никаких ограничивающих сроков действия соглашения не устанавливалось. При этом, отмечает Ризис, Черчилль во время переговоров со Сталиным выступал в качестве более слабой стороны, ибо просоветские партизанские силы в британской сфере влияния были более сильны, нежели прозападные в советской сфере. Соглашение Черчилля и Сталина стало «триумфом советской дипломатии», которому предшествовал «триумф советского оружия». Сталин достиг большинства своих целей. Историк считает, что «процентное соглашение» действовало вплоть до того момента, пока Великобритания не стала слишком слабой, чтобы выступать полноправной стороной на переговорах с Советским Союзом.

Иная версия была предложена историком Дж. Сиракузой. Он полагает, что, согласившись с предложением Черчилля, Сталин стремился выиграть время, чтобы сохранить «свободу рук» на Балканах, и, по крайней мере, намеревался дождаться максимального продвижения Красной Армии.

В Великобритании долгое время доминировала «официальная» историография. По оценке У. МакНила, процентное соглашение «отразило новый военный баланс на Балканах», который сложился к октябрю 1944 г. По предположению британского историка, проценты могли означать соотношение про британских и просоветских членов правительств стран Юго-Восточной Европы. Соглашение в целом удовлетворило обе стороны: И.В. Сталин обеспечил советское господство в Румынии, Болгарии и Венгрии, а Черчиллю удалось установить предел расширению советского влияния на Балканах.²⁵

²⁴ Мастны В. Путь России к холодной войне: Дипломатия, войны и политика страны коммунизма,

²⁵ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии = Stalin and Churchill. Meetings. Talks. Discussions: Документы, комментарии, 1941-1945. М., 2004.

В июле 1973 г. Ф. Дикин, в годы войны - британский офицер связи при штабе И.Б. Тито, предположил, что таблица «процентов» Черчилля являлась только пробным шаром, предназначенным для получения информации, до каких пределов простирались аппетиты И.В. Сталина, то есть выяснить, где остановится Красная Армия. «Он [Черчилль] не пробовал разделить Балканы. Возможно, он создал неправильное впечатление...» - писал историк.

В фундаментальном труде Л. Вудворда «Британская внешняя политика в годы Второй мировой войны» утверждается, что Черчилль стремился сохранить советско-британское сотрудничество и в послевоенный период. Заключение «процентного соглашения» должно было устранить причины возможных трений в отношениях двух стран. Американцы же не осознавали серьезности ситуации и скорее были склонны подозревать англичан, нежели опасаться нового российского империализма. Черчилль, который пошел на максимальные уступки, стремился продемонстрировать искренность британского желания сотрудничать с Советским Союзом. Характеризуя позицию американского президента, Вудворд вслед за американской ортодоксальной историографией приходит к выводу, что ФДР считал переговоры Черчилля и Сталина в Москве предварительными перед трехсторонней встречей.

Британский историк много пишет также об опасениях Черчилля, что его договоренность.

Сталиным могла быть неправильно интерпретирована. Проценты были не более чем хорошим временным ориентиром в британо-советских отношениях. Достигнутую договоренность следовало вновь представить на рассмотрение великих держав в процессе согласования общего европейского урегулирования.

П. Холдич отмечает, что «процентное соглашение» на время улучшило советско-британские отношения, однако в конечном итоге надежды Лондона, что хорошие отношения двух стран позволят решить проблемы Восточной Европы, оказались утопическими.

Более критичны в отношении внешнеполитического курса Лондона работы Э. Баркер. Она фиксирует очевидные успехи Красной Армии в Восточной и Юго-Восточной Европе. Англичане в этой ситуации сделать что-либо не могли. Во время переговоров со Сталиным в Москве Черчилль надеялся установить своего рода новый баланс сил в этой части Европы, который бы учитывал усиление советских позиций. Поэтому договоренность Сталина и

Черчилля «просто формализовала уже существующую ситуацию, за исключением того, что первоначальные проценты, поскольку они имели значение, преуменьшали фактическое советское господство».

По версии Э. Баркер, заключив соглашение о процентном соотношении сфер влияния, Черчилль струсил, опасаясь возможных осложнений и в Великобритании, и в США. Поэтому соглашение сохранялось в строгом секрете и ФДР была передана далеко не полная информация о нем.

Британский историк-ревизионист Д. Уатт считает, что в 1943-1944 гг. в рамках Большой тройки имелись серьезные противоречия. Различным были американская и британская позиции относительно политики в отношении СССР, к тому же Черчилль ощущал нарастающую разницу британской и американской мощи. ФДР намеревался контролировать британскую политику в послевоенный период. Самая большая опасность, считал Вашингтон, состояла в угрозе англо-советской конфронтации, в условиях которой Великобритания могла потребовать американской поддержки. По мнению историка, «процентное соглашение» было положительно оценено американцами, ибо оно обеспечивало отсрочку англо-советской конфронтации.

Другой представитель ревизионистской историографии, Дж. Чармли, высказал сомнения относительно реалистичности «процентного соглашения», ибо если Сталин мог реализовать 10% своего влияния в Греции, то 10 и 25% британского влияния в Румынии и Болгарии являлись фактически фикцией.

В. Ротуэлл называет «процентное соглашение» «очаровательным», но неудачным. При этом если 10% влияния в отношении Греции и Румынии означало фактически полное отсутствие влияния, то влияние в соотношении 50-50% в Югославии должно было иметь реальный смысл. Однако англичане оказались неспособны отстоять свои проценты влияния в этой стране. Ротуэлл считает, что англичане предпринимали «почти наивные усилия» ограничить советскую власть в регионе, где они не имели или почти не имели сил влиять на ситуацию.

Ответить на вопрос об истинных намерениях Сталина в октябре 1944 г. помогло рассекречивание советских документов в 1990-е гг. В западной историографии в этот период оформилось новое направление, которое получило название «новая история холодной войны». Документы из архивов

бывшего СССР и стран Восточной Европы заставили историков пересмотреть свои подходы и оценки советской внешней политики.

В 1996 г. вышла книга В. Мастны «Холодная война и советское чувство небезопасности». Историк отмечает, что Балканы, в отличие от царской России, не рассматривались в советской Москве как важнейший стратегический приоритет. Поэтому Сталин сразу же согласился с предложением Черчилля разделить Балканский полуостров на сферы влияния. При этом не было заключено никакого соглашения о природе этого влияния, что позволяло каждой стороне интерпретировать его по своему усмотрению.

М. Леффлер отмечает, что «процентное соглашение» дополнило соглашения о перемирии с рядом стран Восточной Европы. При этом соглашение не рассматривалось как временное и не зависело от согласия американцев. Договоренность действовала в конце 1944 - начале 1945 г. Но вскоре после Ялтинской конференции Черчилль начал отходить от соблюдения соглашения и предпринимать попытки ограничить доминирование Москвы в ее сфере влияния. После смерти Рузвельта новый американский президент Г. Трумэн также стремился ограничить влияние СССР в Восточной Европе.

По мнению Леффлера, и Советский Союз, и западные державы стремились к сотрудничеству, однако на условиях, которые соответствовали их интересам. Выражением линии на сотрудничество явилось заключение «процентного соглашения». Однако Черчилль не был уверен относительно целей Сталина. Как говорил британский премьер, попытка поддерживать хорошие отношения с Москвой «похожа на ухаживание за крокодилом. Когда он открывает свой рот, Вы не можете сказать, пытается ли он улыбнуться или готовится съесть Вас».

Скептическим отношением к значению «процентного соглашения» отличаются публикации ирландского историка Дж. Робертса, который широко использует рассекреченные документы советских архивов. В своей новейшей монографии «Войны Сталина: от мировой войны до холодной войны» он отмечает, что и советская, и британская стороны смутно предполагали, что именно означали проценты влияния. Обсуждения относительно количества представителей двух стран в Союзных контрольных комиссиях имели скорее академический характер, ибо решения СКК имели рекомендательный характер. СССР в любом случае был единственной страной, которая оккупировала Болгарию, Венгрию и Румынию.

Единственной страной, к судьбе которой «процентное соглашение» имело отношение, была Греция. Однако и в данном случае, считает ирландский историк, договоренность Черчилля и Сталина не имела большого значения. По его мнению, советский лидер пришел к выводу, что расклад сил в Греции не в пользу коммунистов и Москва не может серьезным образом повлиять на ситуацию. Невмешательство Советского Союза в греческие дела было predetermined собственными политическими и стратегическими расчетами Москвы, и они не имели ничего общего с «процентным соглашением». Еще в 1943 г. советские чиновники относили Грецию к британской сфере влияния. У Сталина, подчеркивает Робертс, не было никаких планов коммунизировать Грецию. Соответственно, он делает вывод, что «процентное соглашение» было скорее мифической сделкой, нежели реальной. Историк считает соглашение 9 октября «незначительным эпизодом в дипломатии великого союза». Кроме того, он обращает внимание на тот факт, что после октября 1944 г. никаких советско-британских переговоров по сферам влияния на Балканах или в каком-либо ином месте более не велось.

Иное мнение высказывает канадский историк А. Геролиматос, по мнению которого, Черчилль на бумаге с процентами фактически запечатлел судьбу Балкан почти до конца XX столетия. Сталин в 1949 г. говорил лидеру греческих коммунистов Н. Захариадису, что не мог в 1944 г. двинуть советскую армию в Грецию, потому что не желал столкновения с англичанами, к тому же СССР не имел флота для соперничества с мощной морской державой.²⁶

Свежий взгляд на «процентное соглашение» представлен в работах С. Плохи и Ф. Харбутта, опубликованных в 2010 г. к 65-летию юбилею Ялтинской конференции. В их монографиях широко используются рассекреченные в последние два десятилетия советские документы. В частности, Харбутт и Плохи внимательно изучили советскую запись беседы Черчилля и Сталина 9 октября, рассекреченные записки о послевоенном урегулировании И.М. Майского и М.М. Литвинова и другие источники. Харбутт очень глубоко проработал документы британских архивов.

С. Плохи согласен с мнением, что Москва в своей политике руководствовалась противоречивыми императивами - это и продвижение

²⁶ История внешней политики СССР, 1917-1966: в 2 ч. / под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко,

геополитических интересов СССР, и ответственность за международное коммунистическое движение. В книге «Ялта: цена мира» он присоединяется к мнению, что «процентное соглашение» стало развитием сделки Идена - Гусева в мае 1944 г.

Плохи считает, что англичанам в данном случае удалось получить максимально возможное: все козырные карты в Юго-Восточной Европе были в руках Сталина. «Процентное соглашение» было выгодно англичанам, ибо оно обеспечивало сохранение позиций Великобритании в Средиземном море, обеспечивалась полная безопасность ключевых коммуникационных линий Британской империи.

Еще большее значение «процентному соглашению» придает Ф. Харбутт. По его мнению, во время встречи Черчилля и Сталина были намечены контуры «Московского порядка», послевоенного устройства европейского континента. Достигнутая договоренность ни в коем случае не была результатом импровизации, Лондон и Москва шли к ней начиная с визита А. Идена в СССР в декабре 1941 г. Октябрь 1944 г. стал кульминацией сотрудничества двух стран. Историк подчеркивает, что не следует рассматривать договоренность Сталина и Черчилля в том духе, что Лондон получал только Грецию, а Москва - большую часть Восточной и Юго-Восточной Европы. В действительности же фактически речь шла о британском господстве во всем Средиземноморье, включая Ближний Восток.

Московский порядок предполагал, что США после войны не пойдут на полномасштабное участие в европейских делах и ведущими державами в Европе будут СССР и Великобритания, которые разделят ее на две сферы влияния. Западная и Южная Европа оказывалась в зоне британского влияния, а Восточная Европа и часть Центральной Европы - в советской зоне. Лондон должен был господствовать в Средиземном море, а Москва - в Черном. Англичане осознавали свои слабости и пошли на определенные уступки СССР, в частности по Болгарии, которую Лондон считал важной в контексте интересов в Средиземноморье.

Таким образом, историография «процентного соглашения» У. Черчилля и И.В. Сталина очень обширна, часто историки придерживаются диаметрально противоположных позиций при оценке этой договоренности.

Условно можно выделить три этапа изучения вопроса в западной историографии. Первый начинается с публикации У. Черчиллем в мемуарах

рассказа о своих переговорах со Сталиным. Шестой том мемуаров Черчилля оказал огромное влияние на историографию «процентного соглашения».

Второй - после рассекречивания документов американских и британских архивов в 1960-- 1970-е гг. Соответствующие тома издания «Foreign Relations of the United States» были опубликованы в середине 1960-х гг.

И наконец, третий этап связан с открытием отечественных архивов в 1990-е гг. Становится известной советская запись бесед Черчилля и Сталина, а также последующих переговоров Идена и Молотова о процентных соотношениях влияния на Балканах. Наконец, после рассекречивания материалов советского послевоенного планирования более понятной становится советская позиция по «процентному соглашению».

Хронологически первыми были открыты американские архивы по периоду Второй мировой войны, что стало одной из причин особого внимания историков к американской реакции на «процентное соглашение». Рассекречивание британских и советских документов способствовало смещению интереса исследователей на изучение британской и советской позиции.

Ортодоксальная американская историография негативно оценивает «процентное соглашение» и приходит к выводу, что президент Ф. Рузвельт последовательно выступал против политики сфер влияний. За спиной американцев Лондон и Москва заключили соглашение, которое не соответствовало американским представлениям о послевоенном мире. В трудах историков-ревизионистов договоренность Черчилля и Сталина оценивается положительно. Позиция же американского президента, наоборот, подвергается критике за отказ поддерживать англичан в их попытках остановить советскую экспансию. Историки радикально-критической школы особо подчеркивают, что советская сторона последовательно соблюдала «процентное соглашение». При этом они считают, что договоренность 9 октября лишь фиксировала успехи Красной Армии. Американцы же отвергли соглашение, потому что оно противоречило их далеко идущим экспансионистским планам. Историки-пост ревизионисты склоняются к мнению, что ФДР негласно поддерживал достигнутое соглашение. По их мнению, согласованные Черчиллем и Сталиным проценты влияния в Юго-Восточной Европе имели определенные основания.

Британская официальная историография положительно оценивает «процентное соглашение», ибо оно устанавливало пределы советской экспансии, но одновременно не подвергало сомнению советско-британское сотрудничество. Историки этого направления склоняются к оценке соглашения как уступки Черчилля Сталину. Лондон демонстрировал искреннюю готовность к сотрудничеству с Москвой, кроме того, соглашение было сугубо временным. Позиция американцев подвергается критике за непонимание ситуации. Вашингтон был склонен критиковать политику англичан, нежели попытаться ограничить советское влияние в послевоенной Европе.

В работах британских историков-ревизионистов предпринята попытка пересмотра оценочных позиций, которых придерживаются «официальные» историки. «Процентное соглашение» критикуется за недостаточное соответствие британским интересам. В то же время ставится под сомнение тезис о негативном отношении американцев к соглашению.

Открытие советских архивов позволило более глубоко проанализировать советскую позицию по «процентному соглашению». Современная западная историография, которая все более приобретает интернациональный характер, отказывается от «черно-белого» подхода к анализу отношений великих держав на заключительном этапе Второй мировой войны. Оценки советской политики как однозначно экспансионистской, которых придерживалась западная ортодоксальная историография, теперь кажутся историкам упрощенными. В этом же русле работают и современные отечественные исследователи, которые отказались от советской официальной точки зрения на «процентное соглашение» и на основе глубокого анализа отечественных архивов вносят заметный вклад в усилия историков многих стран по исследованию международных отношений в этот непростой период. Историки, работающие в русле «новой истории холодной войны», приходят к выводу, что соглашение 9 октября отразило советские и британские геополитические приоритеты в Европе. Кроме того, признается, что советский лидер Сталин стремился избежать преждевременных конфликтов с союзниками, поэтому был готов к поиску компромисса. Две великие державы искали геополитический компромисс в Европе, воплощением которого стало джентльменское соглашение Черчилля и Сталина.

2.3. Фултонская речь Черчилля и ее роль в мировой истории

Международная обстановка после Второй мировой войны была запутанной и неопределенной. Требовалась принципиально новая концепция международных отношений. Антигитлеровская коалиция быстро распалась, между бывшими союзниками нарастали серьезные противоречия. Советский Союз во главе со Сталиным чувствовал себя очень уверенно и постоянно подчеркивал, что, как главный победитель фашизма и главный потерпевший от него, имеет больше прав в решении вопросов послевоенного устройства, особенно в Европе и Азии. Такая позиция встречала немалое сочувствие в политических кругах и общественном мнении Запада. Черчилль понимал, что Англия, бывшая до войны главной европейской державой, больше таковой не является, а Советская Армия, пришедшая почти в половину стран Европы, никогда не позволит Англии сделать даже слабой попытки вернуть былое величие.²⁷

Отбросить Советский Союз могли только США, обладавшие в то время монополией на атомное оружие. Неспроста свою первую внешнеполитическую речь в качестве лидера оппозиции в ноябре 1945 г. Черчилль посвятил «важным проблемам наших отношений с Соединенными Штатами».

Из Фултонской речи Черчилля:

«...у меня нет ни официального поручения, ни статуса для такого рода выступления, и я говорю только от своего имени...»

Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и неимоверную ответственность перед будущим...

Наша главная задача и обязанность – оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны... Уже образована всемирная организация с основополагающей целью предотвратить войну. ООН, преемница Лиги Наций с решающим добавлением к ней США и всем, что это означает, уже начала свою работу...

²⁷ Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. Изд. 2-е, доп. М., 1984. С. 479-480.

Прежде чем мы сможем освободиться от необходимости национальных вооружений в целях самосохранения, мы должны быть уверены, что наш храм построен не на зыбучих песках или трясине, а на твердой скалистой основе.

Здесь у меня имеется и практическое предложение к действию. Суды не могут работать без шерифов и констеблей. Организацию Объединенных Наций необходимо немедленно начать оснащать международными вооруженными силами...

Однако было бы неправильным и неосмотрительным доверять секретные сведения и опыт создания атомной бомбы, которыми в настоящее время располагают Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, Всемирной Организации, еще пребывающей в состоянии младенчества. Было бы преступным безумием пустить это оружие по течению во все еще взбудораженном и не объединенном мире. Ни один человек, ни в одной стране не стал спать хуже оттого, что сведения, средства и сырье для создания этой бомбы сейчас сосредоточены в основном в американских руках. Не думаю, что мы спали бы сейчас столь спокойно, если бы ситуация была обратной, и какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство монополизировало на некоторое время это ужасное средство. Одного страха перед ним уже было бы достаточно тоталитарным системам для того, чтобы навязать себя свободному демократическому миру. Ужасающие последствия этого не поддавались бы человеческому воображению. Господь повелел, чтобы этого не случилось, и у нас есть еще время привести наш дом в порядок до того, как такая опасность возникнет. Но даже в том случае, если мы не пожалеем никаких усилий, мы все равно должны будем обладать достаточно разительным превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против его применения или угрозы такого применения другими странами. В конечном счете, когда подлинное братство людей получило бы реальное воплощение в виде некоей Всемирной Организации, которая обладала бы всеми необходимыми практическими средствами, чтобы сделать ее эффективной, такие полномочия могли бы быть переданы ей.

Теперь я подхожу ко второй опасности, которая подстерегает семейные очаги и простых людей, а именно – тирании. Мы не можем закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской империи, не действуют в значительном числе стран; некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям

всепроницающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции. В настоящее время, когда трудностей все еще так много, в наши обязанности не может входить насильственное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны. Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека, которые представляют собой совместное наследие англоязычного мира и которые в развитие Великой Хартии, Билля о правах, закона Хабеас Корпус, суда присяжных и английского общего права обрели свое самое знаменитое выражение в Декларации Независимости. Они означают, что народ любой страны имеет право и должен быть в силах посредством конституционных действий, путем свободных нефальсифицированных выборов с тайным голосованием выбрать или изменить характер или форму правления, при котором он живет; что господствовать должны свобода слова и печати; что суды, независимые от исполнительной власти и не подверженные влиянию какой-либо партии, должны проводить в жизнь законы, которые получили одобрение значительного большинства населения либо освящены временем или обычаями. Это основополагающие права на свободу, которые должны знать в каждом доме.

Таково послание британского и американского народов всему человечеству, я подхожу к тому главному, что хотел здесь сказать. Ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния Всемирной Организации не могут быть достигнуты без братского союза англоязычных народов. Это означает особые отношения между Британским Содружеством и Британской империей и Соединенными Штатами.

Я уже говорил о Храме Мира. Возводить этот Храм должны труженики из всех стран. Если двое из этих строителей особенно хорошо знают друг друга и являются старыми друзьями, если их семьи перемешаны и, цитируя умные слова, которые попались мне на глаза позавчера, “если у них есть вера в цели друг друга, надежда на будущее друг друга и снисхождение к недостаткам друг друга”, то почему они не могут работать вместе во имя общей цели как друзья и партнеры? Почему они не могут совместно пользоваться орудиями труда и таким образом повысить трудоспособность друг друга? Они не только могут, но и должны это делать, иначе Храм не будет возведен либо рухнет после постройки бездарными учениками, и мы будем снова, уже в

третий раз, учиться в школе войны, которая будет несравненно более жестокой, чем та, из которой мы только что вышли...

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. ...Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты... о нынешнем положении в Европе.

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София... Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Это будет явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая необходимыми предпосылками для создания прочного мира.

По другую сторону «железного занавеса», который опустился поперек Европы, другие причины для беспокойства, во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра. За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации. Все это тягостные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно не видеть их, пока еще осталось время. Озабоченность также вызывают перспективы на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии. Соглашение, достигнутое в Ялте, к которому я был причастен, было чрезвычайно благоприятным для России. Но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится летом или осенью 1945 года, и когда ожидалось, что война с Японией будет идти в течение 18 месяцев после окончания войны с Германией.

...Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах. Из того, что я наблюдал в поведении наших русских друзей и союзников во время войны, я вынес убеждение, что они ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости...²⁸

До 1933 или даже до 1935 года Германию можно было уберечь от той страшной судьбы, которая ее постигла, и мы были бы избавлены от тех несчастий, которые Гитлер обрушил на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы легче предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что разорила огромные области земного шара. Ее, я убежден, можно было предотвратить без единого выстрела, и сегодня Германия была бы могущественной, процветающей и уважаемой страной; но тогда меня слушать не пожелали, и один за другим мы оказались втянутыми в ужасный смерч. Мы не должны позволить такому повториться.

Сейчас этого можно добиться только путем достижения сегодня, в 1946 г., хорошего взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединенных Наций, поддерживая с помощью этого всемирного инструмента это доброе понимание в течение многих лет, опираясь на всю мощь англоязычного мира и всех тех, кто с ним связан. Пусть никто не недооценивает внушительную силу Британской империи и Содружества...»

Действительно ли выступление Черчилля являлось рубежом между союзничеством «большой тройки» и качественно новой конфронтацией, не раз ставившей человечество на край пропасти? Или правильнее считать, что слова бывшего британского премьера, одного из крупнейших политиков XX века, лишь сорвали покров с де-факто осуществлявшейся политики, на которую Соединенные Штаты и Великобритания вышли намного раньше?

²⁸ Опубликовано: Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы: в 2 т. Т. 1. 1944--гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. С. 2348; подробнее о комиссиях см.: Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела... // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995. С. 54-71.

Многие россияне, особенно получившие образование в советское время, без запинки скажут, что именно в Фултоне был провозглашен «крестовый поход против коммунизма» и между нами и так называемым «свободным миром» пролегал железный занавес.

По мнению доктора исторических наук Валентина Фалина, в Фултоне вырвалось наружу зло, годами зревшее в лондонских и Вашингтонских коридорах власти. Резонен вопрос, почему озвучивание доселе тайных умыслов поручили именно Уинстону Спенсеру Черчиллю? Ведь прошло всего-то чуть больше семи месяцев, как британские избиратели отправили Черчилля в отставку. Почему как раз его американцы выводили для такого случая на свет Божий? Ответ, похоже, до банальности прост – в англосаксонском сообществе сложно было сыскать другого деятеля, который столь полно и неукротимо воплощал собой русофобию.

Еще во время Первой мировой войны Черчилля терзали заботы, как бы сконцентрировать силы кайзеровской Германии на разгроме царской России, а самому Альбиону уйти от выполнения обязательств, взятых в рамках Антанты. Это Черчилль в 1918 г. призывал расчленив нашу страну на «сферы действия», который должны были завершиться распадом российского государства, а затем деятельно окружал Советскую Россию «кольцом бешено ненавидящих большевиков стран».²⁹

На языке Черчилля и его единомышленников сие занятие звалось «продолжением Крымской войны 1853–1856 гг.». Антикоммунистическая риторика, бушевавшая после Октябрьской революции, сути не меняла. Лондон, как, впрочем, и Вашингтон, присягнул русофобии задолго до свержения в России самодержавия. Стремление вытолкнуть нас из концерта мировых держав окрашивало подходы патентованных демократий ко всем мало-мальски значимым региональным и глобальным проблемам на протяжении всего XX века.³⁰

Трумэну явно требовалась подмога со стороны, чтобы освятить доктрину «Рах Америка», заявку на гегемонию в мировых делах. Наряду с опробованной временем русофобией главу Белого дома прельщала в Черчилле редкий цинизм. В пользу Черчилля, с точки зрения Трумэна, говорило и то,

²⁹ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 241-255.

³⁰ Хрестоматия по новой истории. Т.2. М., 1971.

что в ходе войны никто больше Черчилля не сделал для того, чтобы сорвать организацию Второго фронта в 1942 и 1943 гг. и тем самым затянуть войну, с олимпийским спокойствием наблюдая, как в ожесточенных схватках немцы и русские обескровливают друг друга. В этом смысле концепция британского премьера перекликалась с подходами Трумэна, который в июне 1941 г. изрек: «Если будут побеждать немцы, стоит помогать русским, если верх будут брать русские, надо помогать немцам, и пусть они убивают друг друга как можно больше».

Пробным камнем, на котором испытываются достоинства и пороки политиков, является их поведение в критических ситуациях. Во время битвы на Волге в повестке дня стоял вопрос не только о вступлении Японии и Турции в войну против СССР, если Сталинград падет. Готовился сепаратный сговор «демократий» с нацистской Германией, о чем свидетельствует в своих мемуарах тогдашний госсекретарь Хэлл. А Черчилль в октябре 1942 года, еще до того, как Красная Армия перешла в контрнаступление, на заседании военного кабинета требовал «задержать русских варваров как можно дальше на Востоке, чтобы они не угрожали свободной Европе».

Курская дуга. Самое тяжелое сражение Второй мировой войны еще не завершилось, а на встрече в Квебеке в августе 1943 г. не без подачи Черчилля начальники штабов США и Великобритании обсуждают вопрос о целесообразности сговора с нацистскими генералами для «совместного отпора русским». Черчилль был крайне обеспокоен тем, что в битве под Курском Советский Союз продемонстрировал способность в одиночку поставить Третий рейх на колени. США также взволновало развитие событий, но Рузвельт делал несколько другие выводы – он хотел показать американский флаг на континенте, чтобы плоды победы в Европе США могли разделить с Советским Союзом.

Антисоветская, антирусская нацеленность политики Лондона и части американского истеблишмента не сникла даже после очевидных неудач перехвата у Москвы инициативы на завершающем этапе войны. Не позднее марта 1945 г. Черчилль отдал приказ собирать трофейное немецкое оружие и складировать его для возможного использования против СССР. Тогда же им был отдан приказ о разработке операции «Немыслимое» – плана войны против Советского Союза, которая должна была начаться 1 июля 1945 г. силами 112–113 дивизий, включая дюжину дивизий вермахта, что сдались англичанам и нерасформированными были переведены в лагерь в земле

Шлезвиг-Гольштейн и южной Дании. Там их держали в готовности до весны 1946 г.

Не составляет большого секрета, что Черчилль приложил немало стараний, дабы вовлечь в «Немыслимое» Трумэна, принявшего президентский пост после кончины (12 апреля 1945 г.) Франклина Рузвельта. Не проясненной, однако, остается взаимосвязь между планами английского премьера и предложением нового президента США на совещании в Белом доме. 23 апреля 1945 г. Трумэн на встрече с политическими и военными советниками изложил свое видение момента и ближайших перспектив: Советский Союз отыграл свою роль в американском сценарии завершающейся мировой войны; пора подводить черту под антигитлеровской коалицией; Соединенные Штаты без ассистентов вынудят Японию капитулировать. Если бы не категорические возражения ведущих военачальников США, черчиллевское «Немыслимое» могло бы обрести зловещие черты вполне реального и мыслимого. Не исключено даже, что с ядерным акцентом.

Разрыв с Советским Союзом был отсрочен на несколько месяцев, но тем не менее Вашингтон и Лондон 7 мая 1945 г. устроили сепаратную капитуляцию немецкого командования перед штабом Эйзенхауэра в Реймсе. Англичане и американцы отлично знали, что гросс-адмирал Дениц, преемник Гитлера на посту рейхсканцлера, и генерал Кейтель отправляли в Реймс своих эмиссаров с директивой – боевые действия против США и Великобритании прекращаются «не в ущерб сухопутным и морским операциям по отрыву от противника на Востоке». Нет, нацистские генералы не просто уводили офицеров и солдат от советского плена. Под «Немыслимое» скапливались резервы.

Таким образом, философия «холодной войны» уже вызревала под аккомпанемент сражений Второй мировой.

Речь Черчилля интересна и с другой стороны. Судя по использованным им оборотам и терминам («строительство Храма», «всемирное братство») и обилию риторики, Черчилль выступал перед единомышленниками-масонами. В Организации Объединенных Наций он явно хотел бы видеть прообраз давно ожидаемого масонами так называемого Мирового правительства под контролем англосаксов. Глобализаторским планам Черчилля явно мешал Советский Союз с его около масонской, но все же собственной идеологией, и

русский народ, никак не желающий принять «общечеловеческие» (то есть западные) ценности.³¹

Интересно также и различие между способами достижения мирового господства, которые применяли гитлеровцы и англосаксы. Грубая сила и нескрываемое высокомерие по отношению к поработаемым народам у немцев и – у англосаксов – стремление достигать своих целей чужими руками (помимо силы), прикрываемое многословными и вполне искренними, по их мнению, рассуждениями о прогрессе, мире, гуманизме, свободе, демократии.

³¹ Уинстон Черчилль: цитаты, остроты и афоризмы. М., 2005.

Заключение

19 сентября 1946 года Черчилль в Цюрихе поддержал идею создания «Совета Европы» и привлечения «отдельных немецких государств» в содружество западноевропейских народов, вскоре он выступил также за перевооружение Западной Германии и ее неразрывную связь с Западом. Но как бы ни был велик его авторитет в глазах США и Западной Европы, где его личность связывалась с идеей холодной войны, в Англии его популярность пошла на убыль; время, когда им восхищались, осталось позади. Его крайне консервативные взгляды шли вразрез с настроениями британского народа и жадной демократических перемен, что привело к поражению консерваторов и его лично, как премьера, на выборах в июле 1945 года, и он вновь отошел от власти на несколько лет. Но не от политики.

С большим трудом и только после второй попытки ему удалось в 1951 году потеснить лейбористов и организовать свой собственный кабинет. Черчилль проводил прогрессивную и умеренную внутреннюю политику, чего не ожидали его политические противники. Однако Англия больше не была тем партнером, который причислялся к совету сильнейших. Вопреки тому, о чем он мечтал, Европа и весь мир подчинялись не «англосаксонской мировой полицейской системе», а сверхдержавам.

После тяжелого сердечного приступа в 1941 году здоровье Черчиля значительно ухудшилось; восемь лет спустя у него случился первый из шести апоплексических ударов.

В 1951–1955 годах, вновь став премьер-министром Великобритании, осознав изменения политической обстановки в мире (СССР стал обладателем атомного оружия и средствами его доставки в пределах Европы), Черчилль уже не призывал к «крестовому» атомному походу против Москвы, наоборот, ратовал «за созыв совещания в верхах» с участием США, Англии, Франции и СССР. «Мы не должны забывать, — подчеркивал Черчилль в 1951 году, — что, создавая американскую базу на юго-востоке Англии, превращаем себя в мишень, а может быть, в центр мишени». Его идея о «встрече в верхах» осуществилась в 1955 году уже после его отставки. За года до этого ему были вручены орден Подвязки и Нобелевская премия в области литературы. Ему было уже 80 лет, он все сильнее страдал от депрессии и явно терял душевные силы.

В 1963 году Конгресс США избрал его — что было уникальным актом, — Почетным гражданином США.

Последние десять лет жизни Уинстон Черчилль провел на покое. Иногда он отправлялся в путешествие по Средиземному морю в качестве гостя на яхте «Кристина», принадлежавшей греческому миллионеру Онассису. Он любил бывать на французской Ривьере. В возрасте 90 лет Черчилль принял решение окончательно отойти от политики. Но до конца своих дней оставался патриархом политической жизни Великобритании. Умер сэр Уинстон Черчилль 24 января 1965 год

Список литературы

1. См.: Иванов Р. Ф. Сталин и союзники: 1941-- 1945 гг. М., 2005; Плешаков К. В. Вопросы согласованного регулирования международных отношений в антифашистской коалиции (1943-1945) // Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред.
2. А.Д. Богатурова. Т. 1: События 1918-1945 годов. М.,
3. С. 385-406; Наринский М. М. Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939-1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 82-93; и др.
4. История внешней политики СССР, 1917-1966: в 2 ч. / под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко,
5. М. Хвостова. М., 1966. Ч. 1. С. 421.
6. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. Изд. 2-е, доп. М., 1984. С. 479-480.
7. Иванов Р.Ф. Указ. соч. С. 336-337.
8. Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии = Stalin and Churchill. Meetings. Talks. Discussions: Документы, комментарии, 1941-1945. М., 2004.
9. Опубликована: Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы: в 2 т. Т. 1. 1944--гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. С. 2348; подробнее о комиссиях см.: Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела... // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995. С. 54-71.
10. Наринский М.М. Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939-1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 83-84.
11. Ржешевский О. А. Указ. соч. С. 436.
12. Наринский М. М. Указ. соч. С. 92-93. Там же. С. 89.
13. Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 241-255.

14. Плешаков К. В. Вопросы согласованного регулирования международных отношений в антифашистской коалиции (1943-1945) // Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1: События 1918-1945 годов. М., 2006. 396.
15. Филитов А. М. НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002: в 3 т. Т. 2. 1917-2002 гг. М., 2002. С. 313.
16. Юнгблюд В. Т. Политика США в Югославии в 1941-1945 гг. Киров, 2004; Костин А. А. Реакция США на «процентное соглашение Черчилля - Сталина» 9 октября 1944 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2002. № 6. С. 125-128.
17. Калинин А. А. Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19-36.
18. Фейс, Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 402-406.
19. Мастны В. Путь России к холодной войне: Дипломатия, войны и политика страны коммунизма,
20. Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939-1945 гг.: Идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 75.
21. Сборник документов по новой истории. Т.3. М., 1989.
22. Уинстон Черчилль: цитаты, остроты и афоризмы. М., 2005.
23. Хрестоматия по новой истории. Кн. 2. М., 1963.
24. Хрестоматия по новой истории. Т.2. М., 1971.
25. Черчилль У. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской Армии 1897-1900 гг. М., 2004.

Приложение №1

Речи Черчилля

В первой своей речи в качестве премьера, 13 мая, известной под названием «Кровь, пот и слёзы» (Blood, Sweat, and Tears), Черчилль заявил:

Я повторю перед Палатой то, что уже сказал присоединившимся к новому Правительству: «Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слёз и пота».

Нам предстоит суровое испытание. Перед нами много долгих месяцев борьбы и страданий. Вы спрашиваете, какова наша политика? Я отвечу: вести войну на море, суше и в воздухе, со всей нашей мощью и со всей той силой, которую Бог может даровать нам; вести войну против чудовищной тирании, равной которой никогда не было в мрачном и скорбном перечне человеческих преступлений.

Такова наша политика. Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа — победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долог и тернист может оказаться к ней путь; без победы мы не выживем. Необходимо понять: не сможет выжить Британская империя — погибнет всё то, ради чего она существовала, погибнет всё то, что веками отстаивало человечество, к чему веками стремилось оно и к чему будет стремиться. Однако я принимаю свои обязанности с энергией и надеждой. Я уверен, что люди не дадут погибнуть нашему делу.

Сейчас я чувствую себя вправе потребовать помощи от каждого, и я говорю: «Пойдёмте же вперёд вместе, объединив наши силы».

Выступая 4 июня после Дюнкерка, Черчилль в речи, вошедшей в историю под названием «Мы будем сражаться на побережье» (We shall fight on the beaches), вновь выражал непреклонную волю нации к борьбе и победе:

Несмотря на то, что значительные пространства Европы и многие старые и славные государства подпали или могут подпасть под власть гестапо и всего отвратительного аппарата нацистского господства, мы не сдадимся и не покоримся. Мы пойдём до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и на океанах, мы будем сражаться с возрастающей уверенностью и растущей силой в воздухе; мы будем оборонять наш Остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в пунктах высадки, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы

будем сражаться на холмах, мы не сдадимся никогда, и даже, если случится так, во что я ни на мгновение не верю, что этот Остров или большая его часть будет порабощена и будет умирать с голода, тогда наша Империя за морем, вооружённая и под охраной Британского Флота, будет продолжать сражение, до тех пор, пока, в благословенное Богом время, Новый Мир, со всей его силой и мощью, не отправится на спасение и освобождение старого.

Наконец, 18 июня, говоря о капитуляции Франции, Черчилль призвал англичан вести себя так, чтобы это время в веках считалось звёздным часом нации (речь «Их звездный час» — *Their finest hour.*):

То, что генерал Вейган называл битвой за Францию, окончено. Со дня на день начнётся битва за Англию. От исхода этого сражения зависит судьба христианской цивилизации. От этого зависит наша собственная британская жизнь, и длительная непрерывность наших учреждений и нашей Империи. Скоро на нас обрушатся вся ярость и мощь врага. Гитлер знает, что или ему надо сломить нас на нашем острове, или он проиграет войну. Если мы выстоим в борьбе с ним, вся Европа может стать свободной, и жизнь всего мира двинется вперёд на широкие, залитые солнцем высоты. Но если мы потерпим поражение, весь мир, включая Соединённые Штаты, включая всё, что мы знаем и любим, погрузится в бездну нового Тёмного века, который лучи извращённой науки сделают более губительным и, возможно, более длительным. Поэтому соберёмся с духом для выполнения нашего долга и будем держаться так, что если Британская империя и Британское Содружество просуществуют тысячу лет, то и тогда, через тысячу лет, люди скажут: «Это был их звёздный час»

Приложения 2

Речи, посвященные отношениям с СССР

Вечером 22 июня 1941 года Черчилль произнёс по радио речь, посвящённую нападению Германии на СССР. Он подчеркнул, что не отрекается от своей негативной оценки коммунизма, но считает Гитлера главным общим врагом, и потому от имени Великобритании пообещал СССР всемерную помощь и поддержку:

Нацистский режим неотличим от худших черт коммунизма. Он лишён каких-либо принципов и основ, кроме ненавистного аппетита к расовому доминированию. Он изощёрен во всех формах человеческой злобы, в эффективной жестокости и свирепой агрессии. За последние 25 лет никто не

был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нём. Но всё бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем.

Прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома; их матери и жёны молятся — о, да — потому что в такое время все молятся о сохранении своих любимых, о возвращении кормильца, покровителя и защитника. У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвлечь нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с Божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига.

Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером — наши враги. (...) Нападение на Россию — только прелюдия к попытке завоевания Британских островов. Без сомнения, он надеется завершить его до наступления зимы, чтобы сокрушить Великобританию до того, как флот и военно-воздушные силы Соединённых Штатов смогут вмешаться. Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединённым Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара.

Приложение №3

Фултонская речь

Я счастлив, что прибыл сегодня в Вестминстерский колледж и что вы присвоили мне ученую степень. Название "Вестминстер" мне кое-что говорит. Кажется, что я его где-то слышал. Ведь именно в Вестминстере я получил львиную долю своего образования в области политики, диалектики, риторики, ну и еще кое в чем. В сущности, мы с вами получили образование в одних и тех же или схожих учебных заведениях. Также честь, возможно почти уникальная, для частного лица - быть представленным академической

аудитории президентом Соединенных Штатов. Обремененный множеством различных забот и обязанностей, которых он не жаждет, но от которых не бежит, президент проделал путь в 1000 миль для того, чтобы почтить своим присутствием нашу сегодняшнюю встречу и подчеркнуть ее значение, дав мне возможность обратиться к этой родственной стране, моим соотечественникам по ту сторону океана, а, может быть, еще и к некоторым другим странам.

Президент уже сказал вам о своем желании, которое, я уверен, совпадает с вашим, - чтобы я в полной мере был волен дать вам мой честный и верный совет в эти беспокойные и смутные времена.

Я, разумеется, воспользуюсь этой предоставленной мне свободой и чувствую себя тем более вправе сделать это, что какие бы то ни было личные амбиции, которые я мог иметь в мои молодые годы, давно удовлетворены сверх моих самых больших мечтаний. Должен, однако, заявить со всей определенностью, что у меня нет ни официального поручения, ни статуса для такого рода выступления, и я говорю только от своего имени. Так что перед вами только то, что вы видите.

Поэтому я могу позволить себе, пользуясь опытом прожитой мною жизни, поразмышлять о проблемах, осаждающих нас сразу же после нашей полной победы на полях сражений, и попытаться изо всех сил обеспечить сохранение того, что было добыто с такими жертвами и страданиями во имя грядущей славы и безопасности человечества.

Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и неимоверную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг, вы должны ощущать не только чувство исполненного долга, но и беспокойство о том, что можете оказаться не на уровне того, что от вас ожидается. Благоприятные возможности налицо, и они полностью ясны для обеих наших стран. Отвергнуть их, проигнорировать или же без пользы растратить означало бы навлечь на себя бесконечные упреки грядущих времен.

Постоянство мышления, настойчивость в достижении цели и великая простота решений должны направлять и определять поведение англоязычных стран в мирное время, как это было во время войны. Мы должны и, думаю, сможем оказаться на высоте этого жесткого требования.

Когда американские военные сталкиваются с какой-либо серьезной ситуацией, они обычно предваряют свои директивы словами "общая стратегическая концепция". В этом есть своя мудрость, поскольку наличие такой концепции ведет к ясности мышления. Общая стратегическая концепция, которой мы должны придерживаться сегодня, есть не что иное, как безопасность и благополучие, свобода и прогресс всех семейных очагов, всех людей во всех странах. Я имею в виду прежде всего миллионы коттеджей и многоквартирных домов, обитатели которых, невзирая на превратности и трудности жизни, стремятся оградить домочадцев от лишений и воспитать свою семью в боязни перед Господом или основываясь на этических принципах, которые часто играют важную роль. Чтобы обеспечить безопасность этих бесчисленных жилищ, они должны быть защищены от двух главных бедствий - войны и тирании. Всем известно страшное потрясение, испытываемое любой семьей, когда на ее кормильца, который ради нее трудится и преодолевает тяготы жизни, обрушивается проклятие войны. Перед нашими глазами зияют ужасные разрушения Европы со всеми ее былыми ценностями и значительной части Азии. Когда намерения злоумышленников либо агрессивные устремления мощных держав уничтожают во многих районах мира основы цивилизованного общества, простые люди сталкиваются с трудностями, с которыми они не могут справиться. Для них все искажено, поломано или вообще стерто в порошок.

Стоя здесь в этот тихий день, я содрогаюсь при мысли о том, что происходит в реальной жизни с миллионами людей и что произойдет с ними, когда планету поразит голод. Никто не может просчитать то, что называют "неисчислимой суммой человеческих страданий". Наша главная задача и обязанность - оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны. В этом мы все согласны.

Наши американские военные коллеги после того, как они определили "общую стратегическую концепцию" и просчитали все наличные ресурсы, всегда переходят к следующему этапу - поискам средств ее реализации. В этом вопросе также имеется общепринятое согласие. Уже образована всемирная организация с основополагающей целью предотвратить войну. ООН, преемница Лиги Наций с решающим добавлением к ней США и всем, что это означает, уже начала свою работу. Мы обязаны обеспечить успех этой деятельности, чтобы она была реальной, а не фиктивной, чтобы эта организация представляла из себя силу, способную действовать, а не просто сотрясать воздух, и чтобы она стала подлинным Храмом Мира, в котором

можно будет развесить боевые щиты многих стран, а не просто рубкой мировой вавилонской башни. Прежде чем мы сможем освободиться от необходимости национальных вооружений в целях самосохранения, мы должны быть уверены, что наш храм построен не на зыбучих песках или трясине, а на твердой скалистой основе. Все, у кого открыты глаза, знают, что наш путь будет трудным и долгим, но если мы будем твердо следовать тому курсу, которому следовали в ходе двух мировых войн (и, к сожалению, не следовали в промежутке между ними), то у меня нет сомнений в том, что, в конце концов, мы сможем достичь нашей общей цели.

Здесь у меня имеется и практическое предложение к действию. Суды не могут работать без шерифов и констеблей. Организацию Объединенных Наций необходимо немедленно начать оснащать международными вооруженными силами. В таком деле мы можем продвигаться только постепенно, но начать должны сейчас. Я предлагаю, чтобы всем государствам было предложено предоставить в распоряжение Всемирной Организации некоторое количество военно-воздушных эскадрилий. Эти эскадрильи готовились бы в своих собственных странах, но перебрасывались бы в порядке ротации из одной страны в другую. Летчики носили бы военную форму своих стран, но с другими знаками различия. От них нельзя было бы требовать участия в военных действиях против своей собственной страны, но во всех других отношениях ими руководила бы Всемирная Организация. Начать создавать такие силы можно было бы на скромном уровне и наращивать их по мере роста доверия. Я хотел, чтобы это было сделано после Первой мировой войны, и искренне верю, что это можно сделать и сейчас.

Однако было бы неправильным и неосмотрительным доверять секретные сведения и опыт создания атомной бомбы, которыми в настоящее время располагают Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, Всемирной Организации, еще пребывающей в состоянии младенчества. Было бы преступным безумием пустить это оружие по течению во все еще взбудораженном и не объединенном мире. Ни один человек, ни в одной стране не стал спать хуже от того, что сведения, средства и сырье для создания этой бомбы сейчас сосредоточены в основном в американских руках. Не думаю, что мы спали бы сейчас столь спокойно, если бы ситуация была обратной, и какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство монополизировало на некоторое время это ужасное средство. Одного страха перед ним уже было бы достаточно тоталитарным системам для того, чтобы навязать себя свободному демократическому миру.

Ужасающие последствия этого не поддавались бы человеческому воображению. Господь повелел, чтобы этого не случилось, и у нас есть еще время привести наш дом в порядок до того, как такая опасность возникнет. Но даже в том случае, если мы не пожалеем никаких усилий, мы все равно должны будем обладать достаточно разительным превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против его применения или угрозы такого применения другими странами. В конечном счете, когда подлинное братство людей получило бы реальное воплощение в виде некоей Всемирной Организации, которая обладала бы всеми необходимыми практическими средствами, чтобы сделать ее эффективной, такие полномочия могли бы быть переданы ей.

Теперь я подхожу ко второй опасности, которая подстерегает семейные очаги и простых людей, а именно - тирании. Мы не можем закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской империи, не действуют в значительном числе стран; некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции. В настоящее время, когда трудностей все еще так много, в наши обязанности не может входить насильственное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны. Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека, которые представляют собой совместное наследие англоязычного мира и которые в развитие Великой Хартии, Билля о правах, закона Хабеас Корпус, суда присяжных и английского общего права обрели свое самое знаменитое выражение в Декларации Независимости. Они означают, что народ любой страны имеет право и должен быть в силах посредством конституционных действий, путем свободных нефальсифицированных выборов с тайным голосованием выбрать или изменить характер или форму правления, при котором он живет; что господствовать должны свобода слова и печати; что суды, независимые от исполнительной власти и не подверженные влиянию какой-либо партии, должны проводить в жизнь законы, которые получили одобрение значительного большинства населения либо освящены временем или обычаями. Это основополагающие права на свободу, которые должны знать в каждом доме. Таково послание британского и американского народов всему

человечеству. Давайте же проповедовать то, что мы делаем, и делать то, что мы проповедуем.

Итак, я определил две главные опасности, угрожающие семейным очагам людей. Я не говорил о бедности и лишениях, которые зачастую тревожат людей больше всего. Но если устранить опасности войны и тирании, то, несомненно, наука и сотрудничество в ближайшие несколько лет, максимум несколько десятилетий принесут миру, прошедшему жестокою школу войны, рост материального благосостояния, невиданный в истории человечества. В настоящее время, в этот печальный и оцепеняющий момент, нас угнетают голод и уныние, наступившие после нашей колоссальной борьбы. Но это все пройдет и может быть быстро, и нет никаких причин, кроме человеческой глупости и бесчеловечного преступления, которые не дали бы всем странам без исключения воспользоваться наступлением века изобилия. Я часто привожу слова, которые пятьдесят лет назад слышал от великого американского оратора ирландского происхождения и моего друга Берка Кокрана: "На всех всего достаточно. Земля - щедрая мать. Она даст полное изобилие продовольствия для всех своих детей, если только они будут ее возделывать в справедливости и мире".

Итак, до сих пор мы в полном согласии. Сейчас, продолжая пользоваться методикой нашей общей стратегической концепции, я подхожу к тому главному, что хотел здесь сказать. Ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния Всемирной Организации не могут быть достигнуты без братского союза англоязычных народов. Это означает особые отношения между Британским Содружеством и Британской империей и Соединенными Штатами. У нас нет времени для банальностей, и я дерзну говорить конкретно. Братский союз требует не только роста дружбы и взаимопонимания между нашими родственными системами общества, но и продолжения тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изучению потенциальных опасностей, совместимости вооружений и военных уставов, а также обмену офицерами и курсантами военно-технических колледжей. Это также означало бы дальнейшее использование уже имеющихся средств для обеспечения взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами. Это, возможно, удвоило бы мобильность американского флота и авиации. Это намного повысило бы мобильность вооруженных сил Британской империи, а также, по мере того как мир успокоится, дало бы значительную экономию финансовых средств. Уже сейчас мы совместно пользуемся целым рядом островов; в близком будущем

и другие острова могут перейти в совместное пользование. США уже имеют постоянное соглашение об обороне с доминионом Канада, которая глубоко предана Британскому Содружеству и империи. Это соглашение более действенно, чем многие из тех, которые часто заключались в рамках формальных союзов. Этот принцип следует распространить на все страны Британского Содружества с полной взаимностью. Так и только так мы сможем, что бы ни случилось, обезопасить себя и работать вместе во имя высоких и простых целей, которые дороги нам и не вредны никому. На самом последнем этапе может реализоваться (и, я считаю, в конечном счете реализуется) и идея об общем гражданстве, но этот вопрос мы вполне можем оставить на усмотрение судьбы, чью протянутую нам навстречу руку столь многие из нас уже ясно видят.

Есть, однако, один важный вопрос, который мы должны себе задать. Будут ли особые отношения между США и Британским Содружеством совместимы с основополагающей верностью Всемирной Организации? Мой ответ: такие отношения, напротив, представляют собой, вероятно, единственное средство, с помощью которого эта организация сможет обрести статус и силу. Уже существуют особые отношения между США и Канадой и южноамериканскими республиками. У нас также имеется заключенный на 20 лет договор о сотрудничестве и взаимной помощи с Россией. Я согласен с министром иностранных дел Великобритании г-ном Бевином, что этот договор, в той степени, в какой это зависит от нас, может быть заключен и на 50 лет. Нашей единственной целью является взаимная помощь и сотрудничество. Наш союз с Португалией действует с 1384 года и дал плодотворные результаты в критические моменты минувшей войны. Ни одно из этих соглашений не входит в противоречие с общими интересами всемирного соглашения. Напротив, они могут помогать работе Всемирной Организации. "В доме Господа всем хватит места". Особые отношения между Объединенными Нациями, которые не имеют агрессивной направленности против какой-либо страны и не несут в себе планов, несовместимых с Уставом Организации Объединенных Наций, не только не вредны, но полезны и, я полагаю, необходимы.

Я уже говорил о Храме Мира. Возводить этот Храм должны труженики из всех стран. Если двое из этих строителей особенно хорошо знают друг друга и являются старыми друзьями, если их семьи перемешаны и, цитируя умные слова, которые попались мне на глаза позавчера, "если у них есть вера в цели друг друга, надежда на будущее друг друга и снисхождение к недостаткам друг друга", то почему они не могут работать вместе во имя общей цели как

друзья и партнеры? Почему они не могут совместно пользоваться орудиями труда и таким образом повысить трудоспособность друг друга? Они не только могут, но и должны это делать, иначе Храм не будет возведен либо рухнет после постройки бездарными учениками, и мы будем снова, уже в третий раз, учиться в школе войны, которая будет несравненно более жестокой, чем та, из которой мы только что вышли.

Могут вернуться времена средневековья, и на сверкающих крыльях науки может вернуться каменный век, и то, что сейчас может пролиться на человечество безмерными материальными благами, может привести к его полному уничтожению. Я поэтому взываю: будьте бдительны. Быть может, времени осталось уже мало. Давайте не позволим событиям идти самотеком, пока не станет слишком поздно. Если мы хотим, чтобы был такой братский союз, о котором я только что говорил, со всей той дополнительной мощью и безопасностью, которые обе наши страны могут из него извлечь, давайте сделаем так, чтобы это великое дело стало известным повсюду и сыграло свою роль в укреплении основ мира. Лучше предупреждать болезнь, чем лечить ее.

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии - я не сомневаюсь, что и здесь тоже, - питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты - уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, - о нынешнем положении в Европе.

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы - Варшава, Берлин, Прага, Вена,

Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы. Только Афины с их бессмертной славой могут свободно определять свое будущее на выборах с участием британских, американских и французских наблюдателей. Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется к огромным и несправедливым посягательствам на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев в прискорбных и невиданных масштабах. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы. В Берлине русские предпринимают попытки создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии посредством предоставления специальных привилегий группам левых немецких лидеров.

После боев в июне прошлого года американская и британская армии в соответствии с достигнутым ранее соглашением отошли на Запад по фронту протяженностью почти в 400 миль на глубину, достигшую в некоторых случаях 150 миль, с тем, чтобы наши русские союзники заняли эту обширную территорию, которую завоевали западные демократии.

Если сейчас Советское правительство попытается сепаратными действиями создать в своей зоне прокоммунистическую Германию, это вызовет новые серьезные затруднения в британской и американской зонах и даст побежденным немцам возможность устроить торг между Советами и западными демократиями. Какие бы выводы ни делать из этих фактов, - а все это факты, - это будет явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая необходимыми предпосылками для создания прочного мира.

Безопасность мира требует нового единства в Европе, от которого ни одну сторону не следует отталкивать навсегда. От ссор этих сильных коренных рас в Европе происходили мировые войны, свидетелями которых мы

являлись или которые вспыхивали в прежние времена. Дважды в течение нашей жизни Соединенные Штаты против своих желаний и традиций и в противоречии с аргументами, которые невозможно не понимать, втягивались непреодолимыми силами в эти войны для того, чтобы обеспечить победу правого дела, но только после ужасной бойни и опустошений. Дважды Соединенные Штаты были вынуждены посылать на войну миллионы своих молодых людей за Атлантический океан. Но в настоящее время война может постичь любую страну, где бы она ни находилась между закатом и рассветом. Мы, безусловно, должны действовать с сознательной целью великого умиротворения Европы в рамках Организации Объединенных Наций и в соответствии с ее Уставом. Это, по моему мнению, политика исключительной важности.

По другую сторону "железного занавеса", который опустился поперек Европы, другие причины для беспокойства. В Италии деятельность коммунистической партии серьезно скована необходимостью поддерживать претензии обученного коммунистами маршала Тито на бывшую итальянскую территорию в центре Адриатики. Тем не менее ситуация в Италии остается неопределенной. Опять-таки невозможно представить восстановленную Европу без сильной Франции. Всю свою жизнь я выступал за существование сильной Франции и никогда, даже в самые мрачные времена, не терял веры в ее будущее. И сейчас я не теряю этой веры. Однако во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра. За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации. Все это тягостные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно не видеть их, пока еще осталось время. Озабоченность также вызывают перспективы на Дальнем Востоке, особенно в Манчжурии. Соглашение, достигнутое в Ялте, к которому я был причастен, было чрезвычайно благоприятным для России. Но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится летом или осенью 1945 года, и когда ожидалось, что война с Японией будет идти в течение 18 месяцев после окончания войны с Германией. В вашей стране вы настолько хорошо информированы о Дальнем Востоке и являетесь такими верными

друзьями Китая, что мне нет необходимости распространяться на тему о положении там.

Я чувствовал себя обязанным обрисовать вам тень, которая и на Западе, и на Востоке падает на весь мир. Во время заключения Версальского договора я был министром и близким другом г-на Ллойд Джорджа, который возглавлял делегацию Великобритании в Версале. Я не соглашался со многим из того, что было там сделано, но у меня отложилось очень яркое впечатление от ситуации того времени, и мне больно сопоставлять ее с нынешней. Это были времена больших ожиданий и безграничной уверенности в том, что война больше не будет и что Лига Наций станет всемогущей. Сегодня я не вижу и не чувствую такой уверенности и таких надежд в нашем измученном мире.

С другой стороны, я гоню от себя мысль, что новая война неизбежна, тем более в очень недалеком будущем. И именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать. Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах. Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения. Нам нужно добиться урегулирования, и чем больше времени оно займет, тем труднее оно пойдет и тем более грозными станут перед нами опасности. Из того, что я наблюдал в поведении наших русских друзей и союзников во время войны, я вынес убеждение, что они ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости. По этой причине старая доктрина равновесия сил теперь непригодна. Мы не можем позволить себе - насколько это в наших силах - действовать с позиций малого перевеса, который вводит во искушение заняться пробой сил. Если западные демократии будут стоять вместе в своей твердой приверженности принципам Устава Организации Объединенных Наций, их воздействие на развитие этих принципов будет громадным и вряд ли кто бы то ни было сможет их поколебать. Если, однако, они будут разъединены или не смогут исполнить свой долг и если они упустят эти решающие годы, тогда и в самом деле нас постигнет катастрофа.

В прошлый раз, наблюдая подобное развитие событий, я взывал во весь голос к своим соотечественникам и ко всему миру, но никто не пожелал слушать. До 1933 или даже до 1935 года Германию можно было уберечь от той страшной судьбы, которая ее постигла, и мы были бы избавлены от тех несчастий, которые Гитлер обрушил на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы легче предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что разорила огромные области земного шара. Ее, я убежден, можно было предотвратить без единого выстрела, и сегодня Германия была бы могущественной, процветающей и уважаемой страной; но тогда меня слушать не пожелали, и один за другим мы оказались втянутыми в ужасный смерч. Мы не должны позволить такому повториться.

Сейчас этого можно добиться только путем достижения сегодня, в 1946 году, хорошего взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединенных Наций, поддерживая с помощью этого всемирного инструмента это доброе понимание в течение многих лет, опираясь на всю мощь англоязычного мира и всех тех, кто с ним связан. Пусть никто не недооценивает внушительную силу Британской империи и Содружества. Пусть вы видите на нашем острове 46 миллионов человек, которые испытывают трудности с продовольствием, и пусть у нас есть сложности с восстановлением нашей промышленности и экспортной торговли после 6 лет беззаветных военных усилий, не думайте, что мы не сможем пройти через эту мрачную полосу лишений так же, как мы прошли через славные годы страданий, или что через полвека нас не будет 70 или 80 миллионов, проживающих по всему миру и единых в деле защиты наших традиций, нашего образа жизни и тех вселенских ценностей, которые мы с вами исповедуем. Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать совместно, при всем том, что такое сотрудничество означает в воздухе, на море, в науке и экономике, то будет исключен тот беспокойный, неустойчивый баланс сил, который искушал бы на амбиции или авантюризм. Напротив, будет совершенная уверенность в безопасности. Если мы будем добросовестно соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и двигаться вперед со спокойной и трезвой силой, не претендуя на чужие земли и богатства и не стремясь установить произвольный контроль над мыслями людей, если все моральные и материальные силы Британии объединятся с вашими в братском союзе, то откроются широкие пути в будущее - не только для нас, но и для всех, не только на наше время, но и на век вперед.